

КОМБАТ НАЙТОВ

РОДИТЕЛЬ
«ДУБЛЬ ТРИ»

Боевая фантастика (АСТ)

Комбат Найтов

Родитель «дубль три»

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Найтов К.

Родитель «дубль три» / К. Найтов — «Издательство АСТ»,
2021 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-134682-9

Он испытывал ракеты морского базирования, пережил перестройку, летал в Сирию. Но кто-то сверху предоставил ему второй шанс и возможность кое-что исправить в нашей истории. Оказавшись в нужном месте и в нужное время, он, вместе с отцом, создаёт новый истребитель и полк, использующий тактику, связанную с применением новейших на тот момент изобретений в области радиотехники. Но успехи нового полка входят в противоречие с интересами людей, которые хотели бы использовать нападение Германии для своих целей в борьбе за власть. И немецкая разведка громит на земле созданное новое авиационное соединение. Над страной вновь нависает угроза поражений 1942 года.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134682-9

© Найтов К., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Комбат Найтов

Родитель «дубль три»

© Комбат Найтов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Полк еще заправлялся и переснаряжался, когда вернулись пятеро «утят», посланных собрать «трофеи» к месту боя. Из трофеев больше всего Петра интересовали списки частот, сами приемопередающие станции, планшеты и карты. Остальное его мало занимало. Звено управления грешило тем, что обменивало на что-нибудь более ценное, например, спиртное, имущество бывших асов, их оружие и кресты. Ребята повадились крепить их на борта своих ЛаГГов. На этот раз «утята» просто ломились от трофеев. На Ленфронте пространства было немного, все больше неудобства, даже У-2 не посадить, или приходилось добывать все это из вторых рук, так как пехота успевала первой. Петру сначала подарили французский коньяк, который его совершенно не интересовал, а потом передали все планшеты. Едва глянув на них, он забросил все это в машину и выехал в соседний Обнинск. Один планшет передал Соколовскому, второй Корнееву, а затем постучался в кабинет начальника особого отдела.

– Разрешите войти, товарищ комиссар?

– А, крестничек. Если благодарить, то не трать ни мое, ни свое время. Не до сантиментов.

– Нет, товарищ комиссар, это попутно, главное – вот, – он протянул планшет.

– Где взял?

– Посылал за подтверждениями «утят» из звена управления. Это карты шести ведущих «девяток» немцев из StG3. Их маршрут и задание. Мы считали, что они идут на Бабынино и Калугу, а они шли на Малоярославец и Обнинск. С конкретным заданием. Не знаю, как у соседей, а здешние места они прекрасно знают.

– Начштаба в курсе?

– Передал такую же и полковнику Корнееву. Я их попросил пока радиостанции не трогать. Немцам важно сейчас сорвать управление фронтами. Они повторят попытку. А мы – готовы, товарищ комиссар. Разрешите идти.

– Да-да. Не зря я перерыв объявил и дело закрыл. Такое «спасибо» принимается, капитан.

К сожалению, немцам повезло, генерал Жуков отменил распоряжение Соколовского, штабы обоих фронтов переехали во Власиху, Одинцовского района, а полк был послан в район города Белый, одновременно на разведку и на штурмовку. Перед самым возвращением дали команду следовать к железнодорожной станции Ожигово. Все недоумевали, почему нас выгнали с такого удобного аэродрома. Кстати, там была и приличная горка для РЛС. Но в армии рассуждать позволено немногим. По-прежнему в основном летаем на штурмовку, прикрывая действия «группы генерала Болдина» в составе двух стрелковых дивизий и четырех танковых бригад. До места их наступления было 214 километров. Полк был вынужден разделиться на две ударные группы, иначе не успевали. Удобнее было бы действовать из Ржева, но нас никто туда не переводил. На этом направлении действовало три немецких танковых дивизии: 1-я, 7-я и 6-я. Максимальную опасность представляла именно 1-я дивизия, потому что она не попала под удар «группы» и сама нанесла удар с правого фланга контратакующих войск, взяв 3 октября город Белый, и двинулась лесными дорогами окружать войска Болдина и перерезать ему поставки топлива. Полк поймал дивизию на марше и выполнил за два дня 21 БШУ, запечатав наглухо дорогу у села Владимирское. «Возили» по восемь РОФС-132 и по две «сотки». На новых, сразу после приемки с завода, машинах – по две 250-килограммовки.

Затем Болдин подтянул туда 10-й гвардейский минометный полк и накрыл скопление немцев на дороге «Катюшами». Увы, в составе бригад было 150 танков, из них 9 – Т-34, 13 – КВ-1 и КВ-2, остальное – БТ-7 и Т-26. Окружить мы их не дали, но пробить поток немецких танков двух дивизий группа Болдина не смогла. 32-я армия Резервного фронта, стоявшая на рубежах от Мосолова до Дорогобуша в составе второго эшелона, состояла из дивизий народного ополчения Москвы. Командовал ею генерал-майор Вишневецкий. Фронт армии был растянут на 60 километров. По 12 километров на дивизию. Рубежом была река Днепр. Только это еще не тот Днепр, через который не каждая птица перелетит. Это – верховья великой реки, изобилующее бродами. Задержка у Холм-Жирковского была неприятна Готу, но не смертельна, тем более что 40-й танковый корпус после взятия Юхнова повернул на северо-запад и подошел к Вязме, за два дня преодолев 75 километров по тылам наших армий. И никто Гёпнера не побеспокоил, прошел, как на параде. Ввязываться в бои с 33-й и 43-й армиями он не стал.

Двумя днями ранее 4-я танковая бригада под Орлом, действуя под прикрытием авиации генерала Кравченко и из засад, смогла нанести значительный урон танковой группе Гудериана и заставила его маневрировать силами и средствами. В результате Брянскому фронту удалось вывести свои армии из образовавшихся мешков.

Из-за «центрального подчинения» каждый вечер приходилось ездить в штаб фронта со сводками и заявками на снабжение. Пользоваться самолетом командование запрещало, чтобы не вскрывать новое расположение штаба фронта. За эти несколько дней полк потерял 12 самолетов, четыре летчика пропали без вести. Их сбили над Владимирским. Пока никаких вестей о них нет. Шесть машин ремонтируются. Две пришлось сжечь на вынужденных посадках, летчиков сумели вывезти на У-2. Больше полутора часов Петр добирался до Власихи. И не поспать, постоянные проверки документов. Въезд-выезд в каждом населенном пункте контролируется. Корнеева и начштаба на месте не было, приказали их дожидаться. Как назло, попался на глаза Жукову, который вошел в комнату оперативного отдела с двумя командирами-танкистами.

– Ага, а вот он, лично, обеспечит вас связью и поддержкой. Начштаба нет? Плохо. К столу, товарищи. Бригадам выдвинуться на рубеж Колесники – Мальцево. Там действуют стрелковый и артиллерийский полки 126-й стрелковой дивизии. Задача бригад: уничтожить разрозненные силы противника, действующие восточнее-северо-восточнее Вязмы. В дальнейшем идти на соединение с 16-й и 19-й армиями группы генерала Лукина. 13-му ОРАП – прикрыть действия бригад в этом направлении. Обеспечить их разведанными и связью с частями группы Лукина.

– Тащ генерал, разрешите аэродром сменить. У меня «Наяда» ничего дальше пятидесяти километров не видит. Местность низменная. Приличная высотка 221,8 есть в районе станции Кубинка. Рядом – хорошая площадка.

– Что ты ко мне пристаешь со своими просьбами? Тебе задачу поставили?

– Я ж не в тыл прошусь.

– Где это?

– Вот.

– А ты?

– Здесь.

– И что тебе дадут эти двадцать километров?

– Место под локатор.

– Если до утра не перебазировешься, то запрещаю.

– У меня все готово, нет только приказа.

– Ладно, будет тебе приказ. Все, товарищи. Приступайте к выполнению задачи.

Все откозыряли и, кавалеристы хреновы, собрались усесться в машины и рвануть выполнять распоряжение.

– Одну минуту, товарищи полковники.

– В чем дело?

– Вы так и собираетесь уехать? Вы обстановку знаете? Там, куда вас послали, никаких штабов нет. Это – практически десант, танковый. Так что: все свое возу с собой. Предлагаю вернуться и подать заявки на топливо, боеприпасы и продовольствие, а то через сутки встанете и будете жечь машины.

– Но там же дивизия...

– Дивизия там действительно была, вчера. Есть ли она сейчас – этого никто не знает. Так что ждем Соколовского, а я сейчас своих наводчиков в Можайск отправлю. Вы в Можайске выгружаетесь? И включены в состав 16-й армии? Вот карта на пятое и на вчера. 16-я армия под Ярцево. Так что дождаться Соколовского рекомендую. Кстати, вон он приехал. Тащ генерал!

– А, Петр, вовремя, тут задание для тебя есть.

– Так меня озадачили.

– Кто?

– Комфронта.

– Где он?

– В оперативном, вместе с Рокоссовским, командующим шестнадцатой.

– Да, не вовремя ты подъехал... – сменил мнение начштаба.

– Как приказывали, строго по часам.

– Да носом должен чують, когда в курилку уйти требуется.

– Не срослось, полковник Львов задержал с заявками.

– Да, ладно, чё уж там. Вязьма?

– Так точно! Мне семерых летчиков-ночников требуется подкинуть, тащ генерал. Четверо сбиты, где находятся – непонятно. Двоих на «утят», ранения, одного снимать требуется с вылетов.

– Что так?

– Выспаться ему надо и оклематься. Двести сорок пробоин привез, и ни в одном глазу. Нервяк пошел. Пусть отдохнет, нервы у всех не железные. Машины получаем, а летчиков – нет.

– Хорошо, постараюсь дать людей. С тебя – облет и фотографирование района фронта. Как хочешь, так и крутись.

– Есть. Тут, Василий Данилович, объяснить командирам требуется, что такое Вязьма и с чем ее закусывать придется.

– Пройдемте к секретчикам, товарищи командиры, там переговорить сможем. То, что называется: все не так просто, как хотелось бы. Есть нюансы.

Соколовский подробно рассказал и показал на карте то, что ему известно о противнике, указал места складов боепитания. Выделил два батальона пехоты в качестве прикрытия. Передал в 126-ю приказ пробиваться к Минскому шоссе, соединиться с танкистами и держать связь с 13-м ГвОРАП.

– Петр, какими средствами можешь усилить группу?

– Две радиостанции РСБ-А, два взвода охраны с тяжелыми пулеметами, они, правда, авиационные, но стреляют, станки им приспособили. Шесть командных радиостанций непосредственного наведения. Две автомашины с зарядниками для аккумуляторов, топливом, боеприпасами и продовольствием. К сожалению, больше ничего нет. Да, радиостанции – немецкие, но переделанные под наши частоты. Нужна серьезная бумага, тащ генерал, иначе радистов могут расстрелять.

– Зайдете к Лаврентию Фомичу с этой запиской, получите у него. – Он черкнул несколько строк на листочке. Затем дал возможность Петру позвонить в полк. Пожал всем руки и вышел.

Полковник Калихович и подполковник Дружинин вышли на крыльцо, закурили, а потом Калихович спросил Петра:

– А самолеты-то у тебя есть, капитан? И что означает ГвОРАП?

– Пока есть, вот еще что, как только развернетесь на месте, подберите площадки для связных самолетов. Их у меня шесть, как раз на каждый ваш батальон. И не забывайте моих наводчиков, вся связь пусть идет через них. У вас самих связи практически нет. До штаба фронта будет 130 километров и более.

– Ты про самолеты не сказал.

– Шестидесят машин наберу.

– Во врет, столько мы только на парадах видели. От Белоруссии пятимся, а воздухе одни немцы, – сказал Дружинин.

– Не заводись, Афанасий. А что форма такая странная?

– Гвардейский отдельный полк ВМФ.

– А-а-а, посыте на грудь и качните лампочку, без моря жить не могу. Ладно, капитан, не обижайся. Поехали.

Все испытывали огромное недоверие к авиации. Во-первых, толку от нее на поле боя не видели, во-вторых, более чем странное ее использование в сухопутных войсках не прибавляло уверенности наземникам в своем прикрытии. Прилетят, пожужжат без толку, а при появлении немцев их уже нет.

РЛС и БАО сворачивались. Часть людей уже выехали на новое место дислокации. Первый вылет будем производить отсюда, из Ожигово. РЛС уже две, поэтому будем подбирать второй другое место позже. Передав в ГШФ сведения и о смене места, Петр пристроился поспать прямо в штабе. Это стало уже привычкой, может быть вредной. До утра было почти пять часов сна.

Бригады выдвигались двумя колоннами: одна следовала старо-минской дорогой, вторая шла по новому шоссе. К утру 6 октября они сосредоточились на рубежах деревень Кузнечики – Зубково, в 15 километрах от Гжатска. Сначала Петр озаботился разведкой, ибо Соколовский этого требовал, да и обстановка тоже. В первую очередь интересовал правый фланг. Разведку провели одновременно со штурмовкой колонн 6-й танковой дивизии немцев. За ночь они сильно продвинулись вперед, что было необычно. Немцы ночью обычно не передвигаются. Она практически не попала под удары «группы Болдина», действовала в центре танкового клина, имея справа и слева сильных соседей: 1-ю и 7-ю танковые дивизии. Еще вечером она была в районе села Верховье-Малышкино на берегах Вопи. Утром Петр их обнаружил в районе Днепра. Нанесли удар по мосту у Казанирова, но справа – брод, и вряд ли он минирован. Не захватив Канютино, «группа Болдина» отошла в Вадинские и Калыгинские леса. Увлечаться штурмовкой не стали, прошли к мостам через Вопь. Это сейчас важнее. Их там шесть. Вчера их бомбили, но уже восстановлены, куча зениток, море автомобилей и солдат. Там же провели и первый за день воздушный бой с четверкой Ме-109ф, не совсем стандартно окрашенных. У них не было зеленого камуфляжа, серый с темными пятнами, полностью окрашены в желтый цвет капот и рули направления. На капоте – черный туз пик в белом ромбе. Два из них сильно поддымливала даже на прямом полете, видимо двигатели уже дышали на ладан. Насколько я припоминаю, 53-ю эскадру должны были отправить во Францию, так как на начало октября она потеряла 70 процентов первоначальной техники. Из 170 машин безвозвратные потери составили: 55 самолетов уничтожено, 41 тяжело повреждены, 23 повреждены в меньшей степени. Ввязываться в бой они не пожелали, висели в стороне на большой высоте, ждали, что кто-нибудь из наших подобьет их зенитчики. Спускаться с высоты начали только тогда, когда за несколькими машинами появились дымные хвосты. А «дымы» были искусственного происхождения: летчики при горизонтальном полете затягивали винты и переводили настройку всасывающего коллектора в положение «один». Получалась очень богатая смесь, и знатный такой дымище из коллекторов. На этом их и купили. Уйти наверх, после срыва атаки, «мессера» не

смогли. Им в хвосты вцепились ребята из второй эскадрильи и приземлили их. Как долго будут доводить нагнетатель – это «загадка номер один». Всем хороша машина, кроме высотности. Задыхается на высоте свыше 7,5 километра. И место есть для нагнетателя, только его сразу надо делать свободным, а его приводным горючат. Одно хорошо: немцев мы научили нас бояться.

Начальник разведотдела фронта уже сидел в штабе полка, когда приземлились вторая и четвертая эскадрильи. Обещание начштабу мы выполняли, привезли снимки справа от Вязьмы. Установили связь со 126-й дивизией. Полковник Бедин передал, что никакого приказа ночью от командования не получал, хотя разговор был при мне. Его полки находятся севернее, ведут бои в районе Починка-Глушково, отбивая атаки немцев на Ржев с юга. У Глушково немцы ужу на левом, восточном, берегу Днепра. Немцам от Казаринова до Вязьмы остается пройти 55 километров. А 18-я и 19-я бригады бункеруются после марша в 77 километрах от нее, практически без поддержки пехотой. Корнеев тут же разложил «Кристалл», зашифровал донесение и отправил его во Власиху.

В воздухе находились 1-я и 3-я эскадрильи, которые передали, что вынуждены изменить задание: юго-юго-восточнее Вязьмы обнаружена большая колонна легкой бронетехники и мотоциклов. Захвачена станция Тимкино, перерезана дорога на Калугу. Противник в 45 километрах от Вязьмы и пятидесяти от Гжатска. Приступили к штурмовке. Корнеев передал и это сообщение. Тут же звонок из штаба фронта. На проводе Жуков, который выговорил Петру все, что он о нем нелицеприятное думает. Что панику капитан сеет. А в районе Ельни появились отметки групповой цели. Вторая и четвертая эскадрильи пошли на взлет без РС и бомб. Надо прикрыть «нечетных». Петр сам повел группу из 30 машин. Немцы попытались за счет разновысотного построения сорвать штурмовку колонны и растянуть полк, но это проходит только с «карасями». Предупрежденные «Крамболом», «нечетные» эскадрильи были всего на треть укомплектованы сержантским составом, который уже успел понюхать порошу и имел какой-никакой опыт следования за своими ведущими. Плюс подходило усиление, заранее набравшее нужную высоту и скорость. Алексей Звягин уже собрал обе эскадрильи и подскочил на 3000 метров. Немцев около двадцати, меньше, чем наших, но он рисковать не хочет, и показывает немцам хвост, отходя в сторону Москвы, навстречу Петру. Сам Петр на шести тысячах, а две эскадрильи идут много ниже и чуть «отстают». Бой только начинается, и неизвестно, какие сюрпризы подготовили немцы. Пока оттянем их в сторону нашего аэродрома. Алексей прибавил и плавным разворотом начал уходить влево, давая немцам возможность сблизиться, а заодно подставить их хвосты под удар «четных». Сам он пока не различал своих на горизонте, но Петр подсказал дистанцию. Немцы «клюнули» и пошли на «карусель». Четверка «верхних» начала атаку на встречном курсе, остальные заходят в хвост. Первыми открыли огонь самолеты второй эскадрильи, атаковавшие немцев снизу 3/2. А Петр и Тарас в составе четверки прикрытия отбили атаку «верхних» немцев и закрутились с ними на вертикалях. У немцев – смешанный состав: часть машин имели «пустельгу» на капотах, вторая часть, более многочисленная, имела номера на капотах и маленькую эмблему перед кабиной. Коричневый крест на белом фоне. Окрашены машины были примерно одинаково, у «номерных» капот в желтый цвет окрашен только внизу. Только для зенитчиков. Поняв, что их подловили, немцы заорали про подмогу, но четыре «глушилки» работали на трех их каналах, одном общем и двух резервных. Но внизу, в проштурмованной колонне, был их наблюдатель, забить которого не удалось. Он поднял с трех сторон еще истребители противника: от Сеци, Шаболовки и Стабны пошли еще групповые цели, но им лететь сюда 20 минут. А на каждого из присутствующих немцев приходилось уже четыре наших. Через три минуты бой был закончен. Звягин повел домой две эскадрильи, а Петр повел «своих» на перехват группы, идущей от Стабны, но через пять минут обе эскадрильи снизились и произвели обстрел еще одной большой колонны, большую часть которой составляли танки, на дороге от Теплушки к Красному Холму. Сняли и отвернули назад. Эти данные были важнее, чем несколько сбитых самолетов противника.

Дома оказалось не все так хорошо, как хотелось бы. На СКП присутствует «командующий авиацией фронта» генерал-майор Мичугин, со товарищи из НКВД. Задержан «до выяснения» замкомандира полка Звягин, Петру тоже предложили сдать оружие. Полковник Корнеев еще здесь, поэтому Петр с ходу перешел в наступление:

– Если «ваши» войска – это войска СС, то на хрен вы нашу форму нацепили? Вылет согласован с начштаба Соколовским, и я имею важнейшие сведения: к Красному Холму идет огромная колонна танков, более трехсот штук. Ей осталось километров тридцать до Вязьмы. Пленки сейчас принесут. Можете радоваться: ваши вот-вот будут в Вязьме. Ну, а пока это наша территория, то я приказываю вам сдать оружие.

«Маузер» неуловимым движением уже был у живота и недвусмысленно смотрел на присутствующих расходившихся начальников.

– Петя, опусти ствол, и ты, Федор Георгиевич, до греха не доводи, люди только из боя вышли. Они же не на словах говорят, они снимки привезли. А панике 13-й гвардейский полк не поддается, – тихо проговорил Тарас Федотович.

– Отпустите майора Звягина и верните ему оружие. Леша, пока я здесь вожусь, готовь полк к БШУ. И в темпе!

Злобное молчание тянулось двенадцать минут, когда принесли снимки группы Звягина. Черный «щит» с уложенной набок буквой «Цет», бьющие счетверенные «эрликоны», танки, «блинцы» и «бюсинги» с «мерседесами», «гробики» бронетранспортеров. В общем, полный набор. Вновь застучал аппарат Корнеева, доставляя сведения теперь уже в два адреса: в Генштаб, то есть в Ставку, которая послала Мичугина «разобраться с паникерами», и в штаб фронта, Соколовскому. Мичугин засуетился, начал звонить куда-то, в общем, через сорок минут в воздухе было три полка: 120-й ИАП, 321-й БАП и 13-й ГвОРАП. Первый имел на вооружении Пе-3 и относился к ПВО столицы, а 321-й на Пе-2, только что перелетел из Стожилово, из ЗАПа. Лететь в такой компании: больше 150 машин в воздухе, значительно веселее, но вот когда 1-я эскадрилья 120-го полка не перестраиваясь, залпом, вывалила с горизонтального полета все бомбы, как будто бы бомбит площадную цель, а не колонну, то у Петра аж зубы свело.

– Вам девок только гладить! Глубже надо, глубже! Отставить заход! Делай, как я!

Он пересек курс ведущей девятки 321-го полка и занял место лидера.

– Делай, как я! Строй – колонна, дистанция – 50. За мной! Юра! Саша! Возьмите остальных!

«Пешки» неуверенно закачали крыльями, но их ведущий повернул за Петром, и остальные восемь машин начали перестраиваться в колонну.

– Целится не штурман, летчик! Следить за креном, укладывать колонну на вертикаль. Прицел – три. Ветер справа, прицел – влево два щелчка.

– Я – «Захар». Исполнять! – голос их ведущего.

– Отворот по месту, моему месту! Крен – 90, на себя и ногу в пол, угол пикирования – 70. Взяли в прицел, выровнялись и РЕШЕТКИ! Прямо не ходить, скользить вправо-влево, собьют к чертовой бабушке. Сброс – 500–1000 метров. И автомат. Мотогондолы не открывать, их с горизонтали. Внимание! Подхожу к месту. Всем следить за крылом, винтом и скоростью. Начали!

Его «ГЭГэ» повалился на крыло, наклонил нос, выровнялся по крену и отдал щитки. Левая рука подбирала шаг и обороты. Ноги и руки задавали угол скольжения, уклоняясь от несущихся навстречу шаров трассеров. На очередном проходе носа через колонну Петр дал обратную ногу, нос замер на цели, машина несколькими легкими движениями дослана в нужную точку, сброс левой, парируется увод правой ногой. Чуть на себя, сброс правой бомбы, щелчок тумблером «носка», и ручку на себя, убирая щиток в ноль. Потемнело в глазах, выждав

пару секунд, Петр отдал ручку, зрение восстановилось, угол пикирования порядка 5 градусов, пошли по одной ракеты, между пусками затворы трех пушек начали поглощать унитары и выплевывать из себя снаряды, уделяя особое внимание «ганомагам» с «эрликонами». Восьмая ракета, ручку на себя, крен и вираж вправо. Он отработал. Обороты и в набор. Оглянулся и увидел, как последний из «его» девятки свалился на крыло и пошел к земле. Бомберы «встали на вертушку», Лешка повел куда-то в сторону две восьмерки ЛаГГов. Где-то подходит противник.

– «Пешки»! Работать самостоятельно, у нас работа, не волнуйтесь! Прикроем.

– «Тринадцать», я – «Захар» – понял. Работаем.

Они вышли из пикирования раньше, на полсотни тысяч, и сейчас уходили вверх для разворота и новой атаки. Тарас появился чуть справа и выше, обозначив себя. Тоже без ракет и бомб. Пара к бою готова, но противника нет. Полк связал его боем в стороне от объекта атаки. Петр постоянно кренится, чтобы не пропустить низом «мессера». А вот и они! Атака сверху в ¼, ведущий сбит, Тарас обстрелял ведомого, были попадания, «мессер» запарил движком. Им не до него, идут в набор, внимательно осматривая окрестности. Растянувшиеся «бомберы» – самый лакомый кусок для истребителей. Но пока чисто, «пешки» закончили работу и собираются. У них всего пять – шесть бомб, до восьми. Для более мелких бомб сегодня целей нет. Пе-3 давно отработали. Ходят кругами, тоже прикрывают 321-й. Подошел на большой скорости Алексей с ребятами, на капотах черные следы работы пушек и пулеметов. Они встали на вираж, и полк собрался. «Селфи» на память, для отчета, и домой. Колонна расползлась. Битых машин и танков довольно много, небестолковый налет, давно бы так.

А вот на следующий вылет ушли без одной эскадрильи: они заправлялись с армейского склада, прислали бензовозки оттуда. И взлететь не смогли. Еще на прогреве начали пропускать движки. Петр тоже не полетел, остался разбираться. Сняли свечи, а в зазорах – свинец. Вся эскадрилья заправилась с двух машин ТЗ, в обоих бешеное содержание свинца в бензине. Не всем нравится то, что авиация залетала. Полк, без второй эскадрильи, сопровождал в Вязьму новую бригаду, в которой практически не было легких танков: 24 КВ-1, пять КВ-2, 30 Т-34 и два Т-26. Они усилили 18-ю и 19-ю танковые бригады, оседлавшие подходы к городу. Еще бы мозгов хватило не атаковать на встречном, а действовать из засад. В город вошла 4-я ДНО. Она была вооружена винтовками «Лебель», 8-мм, и пулеметами «Гочкис», под тот же калибр. Выдали это дерьмо со складов и по сорок патронов к винтовкам, и по двести к пулеметам. Судя по всему, армии оставили арьергарды и отходят к Вязьме. Официально объявили о централизации командования авиацией города. Командовать парадом будет не Петр, а генерал-лейтенант Жигарев. Лучше от этого не стало. Вместо вылетов группами по 32 машины, пришлось распоряжение использовать не более двух звеньев по три самолета. Потребовали сократить расход топлива, в связи с объявленным осадным положением. Слава богу, что в Москву вернулся Жаворонков, с его и Соколовского помощью решили проблему с топливом и подчинением. Но шесть вылетов на барражирование «успели» сделать. Подбирали для этого наиболее слетанные пары, которые вели «свободную охоту». И не в составе звена, а именно парами, под тщательным наблюдением с земли. Благо что немцы были озабочены по самое не хочу, справа и слева от Вязьмы. Как только стемнело, Петр понесся в штаб фронта, хотя его «часы» были после 24.00. Ведь пришел категорический запрет на использование самолетов ПВО Москвы для вылетов к линии фронта. То есть якобы «приданный» 120-й полк забирали. Толку от них не сильно много: бомболюк у них занят топливом и АФАром, тормозных решеток нет, но как штурмовики они вполне годятся, и устойчивее к зенитному огню. 321-й полк, совершив всего два вылета в район Вязьмы, был переключен на Юхнов и Сухиничи. Ставка по-прежнему считала, что главное направление удара – это Тула. Угрозы с западного направления она не усматривала. Куда девались их снимки массы танков в штабах – оставалось загадкой.

В первую очередь посетил начальника особого отдела. Дело в том, что двух водителей ТЗ с некачественным топливом мгновенно осудили и расстреляли перед строем полка. Причем не перед строем своего полка, а перед 13-м. Как будто бы они хоть каким-то боком к нему относились. Летчики, естественно, забурчали, и совершенно верно. Во-вторых, не могли они добавить в бензин ничего. Эта присадка – импортная, не могли водители ее достать нигде, кроме самой нефтебазы. А так, их хлопнули, а проблема осталась. Глубже рыть требуется. Угроза – серьезнейшая. Здесь они «переборщили», выделяться свинец начал на земле, если уменьшить количество присадки, то двигатели будут отказывать в полете.

– Я уже в курсе событий, – заявил комиссар 3-го ранга Цанава. – Следователь и члены трибунала сейчас отвечают на некоторые неудобные вопросы. И вообще, аккуратнее действуй, капитан. Данные перехвата говорят, что немцы озаботились твоим полком и «неизвестными радиостанциями» у Кубинки.

– У меня охранение никакое, товарищ комиссар. Большого ничего не могу сделать, роту охраны сократили вдвое.

– Кто и когда?

– Позавчера, БАО ведь нам не принадлежит, он – приданный, мне не отследить.

– Вот что, выходи на «своих» в ГШФ и требуй собственный БАО. Можешь сослаться на мой приказ по фронту. Укажи сразу: исполнить 08.10.41 к 07.30 и доложить. Иначе греха не оберемся. Вот еще, из Крекшино докладывают, что в течение двух суток к ним вышло трое, без документов, в странной форме, представились капитаном Марущенковым, старшим лейтенантом Хворостовым и сержантом Андрейченко из 13-го полка.

– Фу, нашлись! Там еще старшина Димов был сбит.

– Увы, двое из них говорят, что похоронили его в Рябиковском лесу, принесли его пистолет и письма. Спуститься с дерева не смог из-за ранения, умер от ран. Хорошо, доставим в полк, но это через Ржев.

– Я туда Ли-2 подгоню.

– Замечательно, заодно моих людей туда переправишь. Свяжусь, когда будет нужно.

Появился повод позвонить Жаворонкову и объяснить ситуацию, подсказали ему, как надавить на командование, пригрозив переправить полк на юг, где немцы начали новое наступление от Каховки к Перекопу. Дескать, раздвигаете разведывательный полк, жжете напрасну моторесурс ценных разведчиков. Подключился Соколовский, и вопрос со штабом ВВС РККА был решен. Полк остался в свободном плавании и решал задачи по авиационной поддержке вывода войск «группы Лукина». Вопрос стоял на контроле Ставкой. Жигареву пришлось согласиться с этим положением, тем более что флот взялся за поставку топлива из собственных резервов. Больше той злополучной нефтебазой пользоваться не пришлось. Трое летчиков добирались «домой» практически неделю.

Мы обеспечили отвод за пределы кольца 199-го и 200-го ОАДН ВМФ в полном составе: сорок орудий, с боеприпасами, которых перебросили к Можайску, где они сыграли впоследствии важную роль. Этим нас озадачил Жаворонков лично. Снизолет, приехал посмотреть, как устроились в Кубинке его подопечные. Обещал присвоить майора, проговорился, что Саша Хабаров и Денис Степанович представлены к званиям Герой Советского Союза, Указ уже опубликован, но этих газет мы в тот день не получили. Мы все хором под трибуналом были. Так что, похоже, пролетели мы мимо наград, как фанера над Парижем. Два кусочка сахара и две папироски. Жаворонков пообещал разобраться. Но время такое, что вряд ли у него это получится в ближайшее время. Поезд уже ушел.

К сожалению, этот разговор по душам имел последствия. Жаворонков написал представление, подал его Кузнецову, а тот пошел с ним выше. Пятнадцать Героев Советского Союза – это не баран начихал. Все летчики первой эскадрильи были поданы на это звание. Перед

этим список и ходатайство подписали у Жданова. Жданов не входил на тот момент даже в состав Военного Совета фронта, он был первым секретарем Ленинградского обкома и Главной комиссии обороны Ленинграда. На нем персонально лежала ответственность за оборону города. Именно он предложил снять Ворошилова с поста командующего фронтом и назначить кого-либо другого. Выбор Сталина пал на Жукова. И когда раздавали «пряники» за прорыв блокады, то наградили местных и Кузнецова, который разрешил вывод кораблей в Морканал, что соответствовало плану затопления кораблей Балтфлота. (Кстати, кто не в курсе, линкор «Марат» был поврежден немцами не под прикрытием фортов Кронштадта, а в ковше на месте предстоящего затопления, на выходе из дамб ЛенМорканала. И там же был отремонтирован с помощью плавдоков и понтонов. Водолазы под водой и под обстрелом варили подводную часть носовой части линкора «Фрунзе» к «Марату». Рыбу глушат с помощью обычных безоболочечных тротильных пашек. Но приварили. Окончательно списан он был после войны.) Но утверждать список должен был командующий фронтом на тот момент. Он тремя зачеркиваниями вычеркнул Петра из списка и лично добавил: находится под судом и следствием. Вызвал Могилевского. До войны Фроим Моисеевич командовал юридическим отделом 1-го стрелкового корпуса 10-й армии, расквартированного в Белостоке. Сумел вывезти из Белостока личное, и не только, имущество, включая обстановку в квартире, принадлежавшей не ему, а арестованному и осужденному им начальнику дефензивы Белостока и окрестностей. Счастливо избежал трех котлов по дороге к городу Москва и приобрел еще один ромб на петлицы. Из-за заседания трибунала по делу о массовом отказе от исполнения приказа комфронта командованием 13-го ГвОРАП, не попал и в четвертый котел. Там собирались судить командира дивизии 16-й армии, отказавшегося исполнять приказание об атаке для улучшения тактического положения дивизии в ночь с 31 на 1 октября.

– Ты приказание получил о командире 13-го полка?

– Именно так, работаем, товарищ генерал армии.

– Я его не отменял, и не отменю, но тебе от неисполнения легче не будет, это я те обещаю.

Пол?

– Непременнейше понял, тащ командующий. Есть заковыка, правда, по хозяйственной части, там срока маленькие.

– Похрен! Действуй, чернилка. Пошел вон! Без результата не появляйся!

«Именем Союза Советских Социалистических Республик. За проявленное стяжательство и нарушение советского законодательства в области взаимоотношения хозяйствующих структур, а также присвоения государственного имущества, выразившегося в незаконном использовании 80 тонн оцинкованного железа толщиной 3 мм, и незапланированном расходе 2300 килограммов свинцового сурика, 800 килограммов олифы и 420 килограммов шаровой краски, предназначенной для окраски самолетов 13-го отдельного полка ВМФ, трибунал Западного фронта приговаривает...»

Я опять подвел отца своим послезнанием. 18 октября пойдут дожди, и все встанет, в том числе и немецкое наступление захлебнется в русской грязи. Я нарисовал его рукой эскизы сборного металлического покрытия. Петр послал краснофлотцев на станцию, там под откосом лежало несколько вагонов с оцинковкой, нарисованный от руки эскиз съемного покрытия принес на железнодорожные мастерские. Заказал и составил договор от имени полка, получил и установил покрытие на ВПП и стоянки. Что там делать? Один удар штампом! А юридический отдел фронта эту оплату не пропустил. Нарушение! Стяжатель! Ату его! Лишить орденов, звания и два месяца в дисциплинарной роте Западного фронта. Трибуналом получена отрицательная характеристика с места прежней службы, подписанная новым командиром полка и батальонным комиссаром Алтуфьевым. Почему он подписал, осталось загадкой для Петра, может быть потому, что его в списке Героев тоже не было? Но сам Петр никаких представлений

не писал, это было много выше его полномочий в РККФ. Так как «преступление» хозяйственное, то предварительного ареста не было. Пара допросов, в условиях выполнения основной боевой задачи. Рассмотрение проходило без него, присутствовал вышеупомянутый комиссар полка Алтуфьев. Дали возможность сдать обмундирование, ордена, оружие и личные вещи на хранение в части. И увезли в 192-ю отдельную дисциплинарную роту Западного фронта. Там командовали лейтенант Сучков и младший политрук Засядько. В роте сплошь бывшие командиры РККА: от полковника до капитана, ниже званий не было. В основном: за проявленную трусость и потерю управления войсковой частью или даже соединением. «Хозяйственником» был один Петр. Рота находилась у деревни Жучки на правом берегу реки Вазуза, в чистом поле, на танкоопасном направлении. ПТР в роте не было, обещали подвезти. Засядько в первый же день «провел душевную беседу» с бывшим капитаном.

– Ты мое дело читал?

– Читал.

– Я что-нибудь украл?

– В деле так написано.

– Да и пошел ты! Винтовку дай и маскхалат. Будем кровушку пускать будущим маршалам вермахта, ибо плох тот солдат, кто не мечтает стать маршалом.

– А стрелять-то умеешь, летун?

– Вместо соски ствол винтовки использовал, по словам матери. Не надо меня учить, как Родину любить, политрук. Пустые места на кителе видишь? У тебя это первая война, а у меня – вторая. Разницу чувствуешь?

– Ну пойдем, покажешь, гвардии капитан...

И стал командир полка штатным снайпером штрафной роты. Все два месяца, от Жучков до Волоколамска. Должность такая, что кровью не смыть, только посмертно, так что от звонка до звонка. На седьмой день наступления его вызвал с позиции лейтенант Сучков, который совсем не соответствовал своей фамилии. Душевный был человек и отличный командир, кстати, как и его политрук.

– Петр Васильевич! Ваш срок истек полтора часа назад. Снять с вас судимость права не имею, требуется подпись врача, а она у нас – сука известная. Извини. Вот записка, придете в часть – пишите, ни я, ни Захар слов не пожалею. Спасибо.

Задерживаться в штрафной роте Петр не стал, ни к чему это. Никто не оценит. Собрал манатки, сдал винтовку и прицел, боеприпасы, и с бумажками пошел в тыл, благо – недалеко. Получил подтверждение, что полк базируется на старом месте: в Кубинке. Сел на «кукушку» и поехал. От Матренино до 50-го километра, пересадка, затем до Кубинки. На площадке пусто, машины запрятаны в лес под горушкой, но их мало, очень мало. Доложил командир полка капитану Федотову. Он из третьей эскадрильи, один из немногих там, кто имел боевой опыт на Балтике, 13-й ИАП ВМФ.

– Здравия желаю, товарищ гвардии капитан, с возвращением.

– Не ждали?

– Ждали, товарищ капитан, очень ждали. Машина ваша здесь, никому не отдали.

– Да не капитан я, краснофлотец. Так что, прибыл после отбытия установленного срока. Судимость не снята, звания лишен, в должности не восстановлен.

– Как же так, товарищ гвардии капитан?

– Кровь требуется, ранение, а я снайпером был. А там два варианта: либо живой, либо мертвый, третьего не дано.

– Что делать будем, товарищ капитан?

– Хрен его знает, Женя. Сколько самолетов в полку?

– Две эскадрильи, товарищ капитан, по восемь штук.

– А где остальные?

– Нас делили четыре раза. Когда полк узнал, что подписанная всеми летчиками характеристика на вас осталась в штабе полка и не рассматривалась трибуналом, то нового командира и замполита подвели к немцам и оставили их одних. Их хватило секунд на тридцать, сопляков. После этого нас начали делить, потом дожди начались, и немцы локатор разбомбили, потому что в полку не осталось никого с «плохой погодой». Из первой эскадрильи остался только Быстров, он был комполка до меня. Его ранили в том вылете, когда немцы нас бомбили. Ну, и я вот четвертую неделю команду.

– Понял, пиши направление в ЗАП. Смысла не вижу тебе мешать.

– Да как же так, командир, это же ваш полк!

– Жень, не трави душу. Пиши направление.

– Машину свою заберите, она – именная. На ней никто летать не хочет. Вас ждет.

– Хорошо, заберу. Краснофлотец, с именной машиной, и 38 звездами на ней, и со ста сорока семью убитыми гитлеровцами. Что-то в этом есть.

У машины обнялся с Петровичем, своим техником, который третий год неотступно следовал за командиром, переходя из одного подразделения в другое. Тот прослезился, что Петр вернулся и живой. Машина расчехлена, два массовика сворачивают продубевшие на морозе чехлы. Выяснилось, что произведена замена обшивки на ПАРМе, она у деревянных машин склонна к загниванию. Так что на морозе и без дела стоит только четыре дня. Специально готовили ее к его возвращению, ждали и верили, что вернется, хотя ни одного ответа на письма, написанные в 192-ю роту, не приходило. Скорее всего, цензура не пропускала. Оно и правильно, наверное. Новости в письмах были грустные и плохие.

– Ну, что? Облетаем после ремонта?

– Да сейчас не стоит, вот-вот «мессеры» прилетят. Повадились, понимаешь, командир, облет делать, маскировку проверять очередями.

– А зенитчики где?

– На страже, только они больше станцию охраняют и себя. Если заход не по их позициям идет, то даже огня не открывают. Они теперь чужие, и полку не подчиняются.

– Понятно. Откуда подходят?

– Прямо над шоссе так и идут. У них в Бобрах аэродром. Вот как вон там разрывы появятся, так через пять минут они у нас.

– Прогрей машину, Петрович. Я сейчас.

Петр почти бегом отправился к вещевому складу. Отбрыкался от обнимашек, скинул ватные брюки и ватник, натянул на солдатскую гимнастерку комбинезон и куртку. Надел шлемофон и выскочил из дверей. Петрович рукой показывал на появившиеся облачка разрывов где-то над Можайском. Низкие зимние облака не особо способствовали бою. Нырнул в облака, и без локатора хрен найдешь. Петр прижался к самой дороге, но так, чтобы сзади не клубился снег. Четко вписался в небольшой отворот шоссе влево и увидел пару немцев на высоте около 150 метров. У Землино Петр чуть шевельнул ручкой и оторвался от шоссе, определил упреждение и дал очередь по ведущему. 23-мм снаряды перерубили центроплан «желтоносого», но еще до первых разрывов в прицеле был ведомый, и туда пошла вторая порция снарядов. Чуть менее удачно, но густая черная полоса потянулась за немцем. Виращ, еще один, повторяющий черный след в небе, вход в облако прямо по копоти, сброс скорости, щиток. Коптящая полоса набегала на кабину. Очередь по темному силуэту, возникшему из белой мглы. Обороты, и аккуратный выход на вираже вниз. Второй упал в Захарьинский лес, справа от шоссе. Еще один вираж. Петр вошел в облака, и несколько удалился от дороги. Второй немец выпрыгнул, и сейчас будут «гости». В поле у Захарьино вполне может сесть «шторьх», которого будут прикрывать немцы. У Красного Стана он ненадолго выскочил из облаков. Четыре «мессера» кружились над деревней, проводя короткие «клевики» атак, видимо, прижимая к земле нашу пехоту.

В облаке Петр пересек линию фронта, и вышел из него после виража на курс 90. Вниз, к земле и набор скорости. Одиноким «шторх» под самыми облаками неторопливо шевелил винтом, следуя на вырубку незадачливому «асу». Атака из «мертвой» нижней полусферы. Немецкую машину просто разорвало снарядами. И уход в облако, не изменяя курс. Определился перед входом. На планшет легла линейка. Скорость 500, курс 87, дистанция 25, 180 секунд полета, выход из облака и огонь по «мессеру», руль направления которого весь покрыт отметками. С ракурса 90 Петр прошел его от винта до хвоста, как в тире, когда тот увлеченно пикировал на фигурки солдат на снегу. Левый разворот на вираже с опущенным носком крыла, и крутыми белыми полосами за крыльями. Но атака не состоялась. Немцы нырнули в облака, и сейчас пересчитывают такой же маневр, как выполнил он: в слепом полете выйти из облака таким образом, чтобы противник даже охнуть не успел. Здесь – кто кого переиграет, и у кого крепче нервы. То, что они пойдут вправо, сомнений не было. В небольшом разрыве промелькнул хвост противника. Расчет был верным, курс примерно определен. Теперь вниз, и ждать выхода. Немец вывалился прямо перед ним и не видел его. Щелчок «глушилки», забыли, гады, и буквально трехпатронная очередь в упор снизу между мотором и кабиной. Десяток снарядов сорвал двигатель с рамы. В облако, и широкий вираж. «Глушилку» вниз, требуется знать, что предпримет противник.

– Манфред сбит, уходим, это «большая крыса». Домой!

«Домой» – это 268, «сверхчеловеки»! Вираж, обороты и вниз. Вот они! Вверх и взлетный. 87 секунд полета, нос вниз. Чуть не столкнувшись с ведомым немцем, Петр успевает отстреляться по обоим. Ведомый упал, а ведущий получил пробоины и ушел в облако, но в конце очереди две из трех пушек замолчали. Осталось 20 снарядов, поэтому отворот, и тоже домой. Тем более «крамбол» разорвется, орет, сука, открытым текстом.

– Крамбол! Ноль-ноль-ноль.

Из облаков Петр вышел у самого аэродрома, двумя виражами погасил скорость и сел с хода.

– Петрович, принимай аппарат. Облетали, и рисуешь шесть звездочек. Крайнего не добил.

Погода окончательно испортилась, и, вместо перелета, Петр пошел в баню, смыть с себя окопную грязь и пот. В баню штрафников водят, и даже чаще, чем остальных, так как устав в дисциплинарных подразделениях чтут выше всего. Но с полковой баней она сравниться не может. Петрович составил компанию и напарил его так, что Петр, еле дыша, вывалился на снег и от души повизжал, катаясь по нему голышом. Затем долго пили чай с прошлогодним кубанским абрикосовым вареньем.

– Слушай, Петрович, а где этот самый настил? На зиму сняли?

– Да прям-таки, во Власихе он, на аэродроме связной эскадрильи штаба фронта. На следующий день после того, как тебя увели, приехали за ним, дескать, вещественное доказательство.

– Так суд-то был до этого! Меня ж после суда увезли, я же на нем не был, не вызывали, он же был заочным.

– Э, брат, приглянулся настил штабным, удобно же, и похрен, что полк из-за этого взлететь после 18 октября две недели не мог, пока не подморозило да не прикатали хляби. Я-то думал, что только у нас на Кубани такая грязь бывает, ан нет, в Московии грязи не меньше.

– Слушай, а полк его оплатил или нет?

– Конечно, оплатил. Еще и подгоняли финансистов. Мария жаловалась, начфин.

– А списать – списывали?

– Нет, точно не знаю, не интересовался, но могу спросить. – Петрович малость «поджегился» на начальнице финотдела полка. Одно другому не мешает, тем более что оба были в летах и вовсе не холосты. «В летах» – это 38 лет, но по сравнению с Петром, с его неполными 22

годами, он был стар, как дерьмо мамонта, мудр и опытен, как в технике, так и в делах житейских.

– От мамы писем не было?

– Нет, в штабе спроси, там ответ за запрос приходил, но мне его на руки не отдали, оно на имя замполита пришло. Алтуфьева уже не было, так что должно сохраниться.

– Вот скажи, Петрович, что за человек такой, Алтуфьев, был? Чего ему не хватало?

– Чё не хватало – чё не хватало? Вот ты всегда, Петруха, такой: ляпнешь, не подумавши, и врагов себе наживаешь. Ты на разборе в сентябре что ему сказал? Что с пилотированием у него проблемы, допуска к ночным нет, поэтому сидите на земле, подлетываете, и готовьтесь к сдаче зачетов по всему курсу боевой подготовки. Все ордена за ночной вылет получили, а он спал в Курортстрое, его даже не вызвали, когда у нас разборки с начальством шли.

– А что его вызывать-то было? Человек новый, суток не прошло, как в должность вступил. Людей не знает, тех, кого он знал, мы всех в ЗАП отправили. Комиссар полка – должность серьезная, поэтому и хотел сначала присмотреться.

– Толку от твоего присмотра, Петр.

– Толк все-таки какой-то есть. Я же так и не сошелся с ним, значит – что-то отталкивало.

– Ну, а что тогда спрашиваешь, что ему не хватало: славы. Привлекать писак ты запретил. Летчики почти все это воспринимали с пониманием, но были и те, кто бурчал, читая газеты, что у него или у нас все круче, а о нас ни слова. Люди же привыкли к тому, что если передовик, то о нем трубят во всех газетах. А о том, что мы, вообще-то, самые передовые, по всем позициям, молчали, как будто чем-то постыдным занимаемся. Те, кто помоложе, так кивали, что у тебя пять орденов, а у них – два или один.

– Так у меня же три с 39-го и 40-го. А здесь – два, как у большинства в первой эскадрилье.

– Полку внимания не хватало, а это дело командира и комиссара. А корреспондентов можно застрашать и вычеркивать то, что публикации не подлежит.

– Так это ж врать! Нас засмеют!

– Да мне-то все равно. Вон, один дали за ту войну, и тем доволен. Да еще ты свои фронтовые и за сбитые отдаешь, посему «золотой запас» имеется, что если что нужно достать для «птичек», даже острodefицитное, то завсегда пожалуйста, с расплатой на месте. Людям не все равно, учитывать нужно эти настроения. Война – дело такое: либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Их разговор прервало появление рассыльного из штаба:

– Тащ гвардии майор! Разрешите обратиться?

– Да какой я тебе «майор»? Обращайтесь.

– Вас в штаб вызывают, там генерал-лейтенант Жаворонков прибыл, с каким-то немцем.

Приказал вас позвать.

– Иду.

– Вас тоже кличут, товарищ старший техник.

Пришлось накидывать китель, куртку, завязывать «хромачи», брать фонарики. Было уже темно, и, несмотря на снег, на улице никакого освещения не было. По следам посыльного, ворча, что баошники совсем от рук отбились и дорожки не чистят, добрались до штаба полка. Доложились. Петр, естественно, как краснофлотец.

– Что за рапорт, майор?

– Вот предписание, там указано.

– Правильно указано: до прибытия в часть – краснофлотец и лишенец. Если не прибыл, ну мало ли какие случаи бывают, так и похоронили бы. А так, вот твои ордена, вот обещанный мною приказ о повышении в звании, вот приказ о восстановлении в должности.

– Все замечательно, вот только полка нет.

– Ну, забузили твои, а полк придан Западному фронту, а не наоборот. Чтоб до греха не доводить, пришлось пойти на крайние меры. Ты сам тоже виноват, и с точки зрения юридической прихватили тебя за дело. Никаких прав присваивать металл ты не имел. Мог написать требование.

– Показать? Я его писал! И направлял в три инстанции, откуда эти гады и узнали об этом. Ноль! Никто даже не пошевелился. Максимум получил ответ из вашего ведомства: материал в реестре снабжения не числится и поставлен быть не может. Забрали то, что гнило под откосом. Сегодня проезжал утром мимо, так и лежат под снегом. А покрытие себе фронт забрал, хотя числится оно за полком.

– Точно знаешь?

– Говорят.

– Это хорошо, если это так... Николай Герасимович дал указание фронту твоего ареста не прощать. Разобраться до конца. Ну, а сам понимаешь, в этих условиях «вытаскивать» тебя из-под ареста административными методами мы не могли. Полк отвели на отдых и профилактику, но не поэскадрильно, а вразброс. Потом поговорим, вот тебе пять минут, приведи себя в порядок, я уже выяснил, кто «бедокурил» сегодня у Кубинки! Шесть «мессеров» за один вылет, в сложных метеоусловиях, – это высший класс!

– Пять «мессеров» и «шторьх».

– Еще и «шторьх»? Великолепно! Про «шторьх» доклад был, но мы не думали, что это тоже твоя работа. Шестой «мессер» линию фронта не перетянул, сел у Облянищево на полевом аэродроме у ночников. Я его с собой привез. Очень хочет познакомиться с тобой. И посмотреть «Große Ratte». Давай шуруй, переодевайся. А ты, Алешин, в ремонтный ангар перетащи его самолет. Шустренько. Людей мы туда уже послали.

– Во, удовольствие, из-за этой немчуры корячиться и самолет по снегу толкать.

– Для этого и посылаем, чтобы двигателем помог. Бегом! Распустились тут, понимаеш!

– Есть!

– Вот ведь не понимают, что для полка стараемся! Петр, по словам этого гауптмана, трех офицеров люфтваффе сегодня завалил: двух командиров эскадрилий и двух командиров полка: Краля, насмерть, и его, Голлуба, приласкал. Это должен был быть его последний вылет на Восточном фронте. Его перевели в Германию. Говорит, что приказ получил полмесяца назад, но не отпускали из-за сложной обстановки на фронте. Сегодня сдал командование 2-й группе Кралю, а того сбили на облете района. Это ж какая удача и для Петра, и для полка, – сказал генерал Федотову.

– Я вообще ничего не понимаю, тащ генерал. Почему про успехи полка вообще ничего и никогда не пишут? Это странно по меньшей мере, это же полк асов был. Такому полковому счету любая армия мира позавидовать может. И тишина. Ни одного слова! Обо всех пишут, а нас – как не было. Штурмуем, и успешно, 6-ю танковую – молчок, атакуем 20-ю танковую – бомбил 321-й полк и 120-й. А нашего полка – нет. В списках не значится, что ли?

– Есть такое дело, еще с операции под Черниговом за полком тянется. Центральные газеты, даже «Красная Звезда», не пропускают статьи с участием или с упоминанием 13-го полка. И ссылаются за запрет по причине секретности данных. Вот мы им «бомбу» и подготовили. Я же не один приехал, со мной наши флотские корреспонденты и фотографы. А если серьезно, Петр Васильевич был прав, запрещая публиковать данные о действиях полка, потому что создал не обычный полк, а разведывательный. И это – важно! Это – глаза армии и флота. Но есть такое дело, многое в ваших действиях, капитан, секретно.

Петр вернулся, генерал его критически осмотрел.

– Ты когда форму получал?

– Полтора срока ношу, и на складах пусто, мы ведь недавно сформированы.

– Учтем. – Генерал черкнул себе что-то в блокнот.

По его приказанию ввели немца. Одет тот был «легковато»: хромовые сапоги, короткая кожаная куртка черного цвета с небольшим меховым воротником и серое галифе. На голове – летний сетчатый шлемофон. На шее выделялся Железный крест на трехцветной красно-бело-черной ленте, которую стягивал непонятный значок из золота. Сам крест также имел золотистую кайму. На куртке немного оттопыривался карман с вертикальным разрезом, видимо, это кобура для пистолета. Удлиненные перчатки немец держал в руке. Пока переводчик представлял присутствующих, Петр осматривал недавнего противника. Ранее он избегал смотреть и разговаривать с пленными. Играть лицом он не умел, в силу своего характера, и никакого удовольствия от подобного созерцания не испытывал. Сбитый немец оказался бывшим командиром II Gruppe 3-го истребительного гешвадера «Удет». Гауптман, с тремя «птичками» на обоих рукавах. Австриец, как и Гитлер. Говорит, что не повезло, не успел уехать в рейх.

– Он спрашивает: почему такая странная форма? Это НКВД?

– Ответьте, что это летная часть военно-морского флота СССР.

– Просит показать «большую крысу», говорит, что его второй раз сбивает такая. Первый раз это было у Комарино, на Днепре.

– А не замерзнет? В летнем шлемофоне... – Немец сжал губы и исподлобья взглянул на Петра.

– Найн, – ответил он.

– Пройдемте, товарищи! – подхватил генерал и подтолкнул Петра к выходу. – Че ты застеснялся, активнее, активнее допрашивай, вопросы задавай каверзные.

– Оно мне надо, он уже не интересен, – ответил Петр, надевая старый кожаный меховой реглан с косым воротником, в котором «плавал» в снегах Карелии.

– Спрашивает, почему такой странный покрой?

– Лицо оттирать, если кабина открытая.

– Die alte «Ratte»?

– Скажи: «да».

– Спрашивает: вы летали на «крысе»? Вас сбивали?

– На этой войне – нет. И не летал, и не сбивали. Летал в 39-м, в Карелии, против финнов.

– Вы же очень молоды?

– Ничего, успел и повоевать, и поработал инструктором в авиашколе.

– Почему вас одного показывают? Машин было несколько.

– Машина была одна. Сейчас увидите.

Они вошли в ангар, там стояло несколько машин, в том числе и самолет Петра.

– Ну, какого вы видели?

– Вот этого.

– Он у нас один, только у меня. Вот написано на борту. А это моя командирская книжка. Это мой персональный самолет, подаренный рабочими и инженерами «восемьдесят четвертого» завода. А над Днепром вас сбил вот такой, он, как видите, отличается. Это – ЛаГГ-3м, а это – ГГ-3с. Он в полку пока один. Он первый в серии. Сейчас машина проходит испытания, вот-вот пойдет в массовую серию. И тогда люфтваффе конец.

– Американская?

– Нет, с чего вы взяли? Советская. Просто в ней учли наши пожелания, эскиз для нее делал я, с учетом накопленного опыта по переоборудованию вот этой серии машин. Вот эта – не заводская машина, это сделано из двух разных самолетов непосредственно в нашем полку.

Немец ухмыльнулся и гордо произнес:

– Насчет конца люфтваффе вы несколько забегаете вперед. У нас есть машины лучше этой. Люфтваффе и вермахт – непобедимы.

– Ну, ты, мужик, даешь! Вот эти пять звездочек – это ваши новые FW-190, сентябрь месяц, Ленинградский фронт. Ты – в плену, я вас, как котят, сделал, непобедимых. В лагере отдохнешь до конца войны, и будешь потом через шаг кланяться и говорить: «Гитлер капут». Хрен вам, а не Ленинград, и хрен вам, а не Москва. Говорил вам ваш Бисмарк: «Русские всегда приходят за своими деньгами». А то, что ты сказал, что «тебе не повезло»? Повезло, крупно повезло, что у меня боеприпасы кончились в двух пушках. А так, война для тебя закончилась. Но именно ты подставил своего ведомого, болтун! Твои слова: «Manfred ist abgeschossen! Das ist die „große Ratte“. Nach Hause!» А домой – это 268 градусов, я прибавил до полного в облаке, догнал вас и, как котят, расстрелял, четко по времени. Вот и живи с этим, пусть он тебе во сне каждую ночь снится.

Петр развернулся и вышел.

– Да, парень, но ты не дрейфь! Живой и ладно! А машины уже в серии. Полк полностью переходит на эти машины. Так что тебе повезло. Остальным – не очень, – самодовольно произнес Жаворонков.

Немец понял, что ляпнул лишнего в своем положении. Но спросил уже генерала:

– Вы сказали: только мне повезло, но Виктор был жив. Кто его убил?

– Да, живой он, живой. В госпитале. Вы пехоту атаковали, которая за ним через поле пошла?

– Да, мы ждали «шторх».

– Петр его завалил еще до линии фронта, а пехоте не понравилось, что несколько человек из-за вас погибло. Срастется его челюсть, не дрейфь.

День на этом для Петра не закончился. Жаворонков повез его в Москву, на Малый Харитоньевский переулок, в штаб ВМФ. Петр еще ни разу здесь не был. Знал только позывной ГШФ, куда отправлял заявки и требования по снабжению. Официально его полк числился «за Главным штабом», то есть в состав ни одного флота не входил. Напрямую подчинился наркомфлоту и командующему авиацией ВМФ. Так что смотрины намечались. Буквально через несколько минут после прибытия получил замечание, что в форме второго срока приходиться в штаб запрещено, сразу, как снял реглан.

– А я не приходил, я приехал, и не сам, а меня привезли. Так что спасибо скажите, что не в штрафном ватнике и не в проссанных брюках снайпера. Я, можно сказать, прямо со снайперской позиции под Волоколамском, из 192-й дисциплинарной роты Западного фронта.

Штабные поняли, что это немного другой уровень общения, что-то пробурчали насчет распушенности фронтовиков. Ведь войну вели они, штабные и адъютанты, они – главные в этом маленьком и тесном мирке Главштаба. От них зависит все, что происходит на трех театрах военных действий. «Хамло» расположилось на стульях и уснуло после баньки, в ожидании возможности предстать перед светлыми очами самого наркома. Жаворонков и Кузнецов появились в приемной откуда-то из коридора.

– Пацан совсем, спит, как сурок, даже будить жалко. И форма вся потертая.

– Форму заменим, вопрос уже проработан, тащ нарком. То, что пацан? Да, мальчишка совсем. Немец удивлялся этому и спрашивал, много ли у нас таких «экспертов».

– Почему «экспертов», он же ас?

– У них это слово не в ходу, оно – английское, и у немцев оно с жопой ассоциируется. Летчиков с большим количеством сбитых они называют «Experte». Посмотрел я летную книжку этого самого Голлоба, показал ее Петру. Так вот, до 18 сентября у него было 42 сбитых, а 26 октября их стало восемьдесят пять. Петр говорит, что такого количества нашей авиации в этом районе просто не было. На юге успешно действует дивизия Кравченко, хуже получается, чем у 13-го полка, но больших потерь там нет. А здесь 13-й полк не дает им разойтись и бесчинствовать.

– Это отличное наблюдение, товарищ Жаворонков, когда начинают проигрывать, начинают больше врать. Ладно, будите и заходите, – адмирал повернулся к адъютанту.

– Чаю, и что-нибудь покрепче, с лимончиком.

Петр протер глаза, буркнул: «Извините!», его похлопал по плечу Жаворонков, и они вошли в кабинет. После доклада их пригласили к столу. Пара подтянутых адъютантов поставили перед всеми крепчайший «Адмирал», нарезанные лимоны и пузатые рюмки с коньяком. Петр пересказал сегодняшний бой. Жаворонков отметил, что на сегодняшний день майор является самым результативным летчиком-истребителем в СССР и среди союзников. Петру рассказали, где находятся его люди, что с завтрашнего дня полк соберут в Боголюбово. Туда же перегонят новую технику, собранную в Москве на 84-м заводе. Вторая серия машин доработана по рекомендациям Петра и генерала Кравченко. Часть машин имеет непосредственный впрыск топлива в двигатель, то есть не глохнет на отрицательных перегрузках. Нагнетателя по-прежнему нет, увы, и с Пермью не связаться. Хрен знает, что у них там происходит. Нет, и все. Разбор заданий на завтра кончился, Петр уже посчитал, что впустую провел столько времени в штабе, поспать было бы значительно интереснее, но тут Кузнецов перешел к вопросам боевого применения, и стало понятно, что это была прелюдия, чтобы разговорить Петра, и показать, что начальство беспокоится и заботится о небольшом подразделении, неожиданно проявившем высокую эффективность. Выслушивая уже выводы командования, Петр покивал головой, поддерживая такие начинания, как подготовка специалистов службы наведения, обязательное наличие логарифмической линейки и транспортира в экипировке, наличие обязательной фотокамеры во всех истребительных полках ВМФ. Затем сказал:

– Это, конечно, необходимо, товарищ адмирал, хотя мы и подзадержались с принятием этих решений. Они были разработаны давно, еще во время Финской войны. Но главное не в этом. Когда я пришел к генералу Андрееву, а я был единственным, наверное, летчиком-инструктором в училище, который, после запрета, ни разу не написал ему рапорт с просьбой отпустить на фронт, то я ему сказал, что, судя по всему, разведка в войсках не ведется, от слова «совсем». Я командовал тогда звеном разведчиков. Ну, понятное дело, генерал меня «послал» подальше, но согласился со мной, что разделяет мои опасения. О ней, разведке, вспомнил маршал Буденный, и после первого же полета был задержан немецкий шпион в разведотделе Южного направления. В Ленинграде разведка также не велась, а действия командования вызывали очень много вопросов у тех, кто понимает, каким образом ведется инструментальная разведка. Вам про локаторы на «Рифе», «Марате» и «Горьком» докладывали?

– Про «Горький» докладывали, что 15 сентября старший лейтенант Иванов, командир группы службы «Р», запустил недействующий с момента установки локатор на крейсере.

– Так вот, товарищ адмирал, непосредственно у флота имелось три новейших и мощнейших локатора «РИФ». Один – экспериментальный, два – серийных. Ни один из них для обороны Ленинграда не использовался до дня нашего прилета в Кронштадт. Один из них был исправен, работоспособен, но разукомплектован, была снята вертикальная антенна, которая измеряет угол цели над горизонтом, и с ее помощью вычисляется высота цели. Второй полностью исправный локатор на форте Риф не был укомплектован личным составом. Корабельные «локаторщики» были направлены в морскую пехоту. А старшего лейтенанта Иванова я нашел в здании эвакуированного НИИ-9. В тот же день его назначили на «Горький».

– Стоп! Одну минуту. Как имя-отчество этого Иванова?

– Владимир Иванович. Он был одним из испытателей «Наяды» и «РИФа» в 1939 году, работал с нами на форте Риф и в Карелии при войсковых испытаниях этой техники.

Нарком снял трубку и затребовал личное дело старшего лейтенанта Иванова с крейсера «Горький», которое ему принесли через несколько минут.

– Продолжайте, гвардии майор.

– Несмотря на наши запросы, а мне точно было известно, что несколько «Наяд» было поставлено в войска ПВО Леннокруга, никто так и не занялся их поиском, хотя они еще в 1939 году доказали свою эффективность в контрбатареинной борьбе. Их, по моей просьбе, за одну ночь нашел начальник разведотдела фронта генерал-майор Евстигнеев. Как только мы создали условия для работы станций и подключили к этому артиллерию округа и флота (железнодорожные батареи), так пушки просто вымели немцев с южного побережья Ладоги. А дальше – новая загадка. Нас переводят с Ленинградского на Западный фронт, хотя весь успех операции обеспечивали люди нашего полка. У меня возник вопрос: для чего? Но приказ есть приказ. Нас приземлили на неподготовленный аэродром, оставили без топлива, людей и снабжения. Но мы достали топливо и все-таки провели разведку над линией фронта. Пленки передали непосредственно в штаб фронта. На снимках было отчетливо видно сосредоточение бронетанковой техники и большого количества автотранспорта на флангах Ярцевской группировки наших войск. Нас чуть не расстреляли за это, но обошлось. Весь день 2 октября мы снимали и доставляли данные о противнике в штаб фронта, но я все пленки оставлял у себя, передавал только фотографии, негативы пленок за первое октября мне вернуть в полк не удалось, официально они были уничтожены. Фактически – не совсем. Мы их достали, за спирт. И после каждого вылета мы сдавали снимки, где отчетливо было видно большое количество танков в Воронцово, у Демяхи и по всему правому флангу фронта. А вылетов на левый фланг нам не давали вообще. Когда мы их там обнаружили и доложили кодом на ключе, что обнаружено большое количество войск с юга от Вязьмы, нас опять попытались арестовать.

– Что вы хотите этим сказать?

– Кому-то требовалась катастрофа под Ленинградом и под Москвой. Все было сделано для того, чтобы ввести Ставку в заблуждение. Наши снимки куда-то исчезали, а когда полку, наконец, придали бомбардировщики, и мы нанесли серьезный урон немецким колоннам и укрепили оборону Вязьмы, то меня осудили и отправили в пехоту. 18 октября начались дожди, у нас сняли покрытие, специально сделанное для того, чтобы летать, когда все размокнет, а немцы действовали с бетонированных аэродромов. Войскам пришлось оставить Вязьму, так как они лишились авиационной и радиолокационной поддержки.

– Так, понятно. Для чего?

– Оставление Москвы и Ленинграда – это повод для смены руководства страны и установления военной диктатуры.

– Еще один вопрос, вы же академию не заканчивали, год на ускоренных курсах... Откуда знаете военное дело?

Петр немного повозился с кобурой и положил ее на стол, золотой табличкой на адмирала.

– Я – потомственный военный, самым большим грузом при переездах у родителей была библиотека. Большинство книг в ней, так или иначе, связаны с военным делом. Ну, и разговор у меня был с матерью, я ее тогда не понял. Она сказала, что не верит «Ворошилову и компании» – прямая речь, – и будет исполнять свой долг на этой позиции: жечь немецкие танки. Она не знала, что комфронта сменился.

– Кому-нибудь об этом говорили?

– Только о том, что непонятно куда деваются данные воздушной разведки. Об этом я доложил начальнику особого отдела фронта Цанаве. После того, как меня отправили в дисроту, в полку побывали люди генерала Жукова, арестован командир взвода фоторазведчиков. Искали негативы. Не нашли, по журналу они – уничтожены.

– А фактически?

– Фактически – нет. Но комвзвода не знает, где они.

– А на чем с Жуковым сцепились?

– Победу под Ленинградом не поделили. Я, в отличие от него, прекрасно знаю, кто принимал решение и кто давал гарантии, что флот немцы в ЛенМорКанале не достанут. Эти гаран-

тии давал я, но вице-адмирал Трибуц сказал, что у него нет права отдать такую команду и принять, может быть, последний бой. Он позвонил вам, Николай Герасимович, и вы отдали команду вывести корабли в канал. Правда, сослались на приказ о затоплении, поэтому только в места в соответствии с планом. После того, как мы сбили немцев у Калище и сорвали немецкую минную постановку, флот зашевелился и отогнал немцев от Петергофа и Красноармейска.

– А он что сказал?

– Что это он остановил немцев под Ленинградом.

– Вот нахал! Так, майор, насчет этого молчи в тряпочку, просто так этот вопрос не решить. Требуется серьезная подготовка. Утром перелетайте в Боголюбово. И заберите с собой те самые негативы, о которых вы говорили. Они скоро понадобятся.

– Есть.

– Теперь вопрос: почему сидели скучный и грустный, пока обсуждался вопрос о вашем использовании?

– Без ударного кулака, который немедленно будет реагировать, занятие это тяжелое. Нужно не менее восьми эскадрилий пикирующих бомбардировщиков.

– Ну что, Семен Федорович? Дадим ему усиление?

– Губа не дура у нашего Андрея, хотя в одном он прав: действовать кулаком – эффективнее, чем враслопырку.

– Ну, на том и порешим. Свободны, товарищ майор!

– Скажи моим, чтобы тебя отвезли, – сказал генерал-лейтенант, которого из кабинета не отпустил наркомфлота. Они еще долго обсуждали услышанное, перезванивались с различными людьми, затем Кузнецов уехал в Кремль, в Ставку.

Еще ночью Петр расписался в приказе о приеме полка и отдал приказание всем сниматься. Это касалось и БАО, который официально был приписан к 13-му ГвОРАП. Поэтому поспать не удалось, так как баошники собирали все имущество, включая постельные принадлежности. Три эшелонами все это поедет в новое место. Заодно Петр осмотрел РЛС «Наяду», которую разбомбили немцы. Фактически сильно повреждена электростанция и вертикальный передатчик. Приказал все грузить на платформы, так как транспортную эскадрилью «прихватизировал» штаб Западного фронта. Часть улетела с другими эскадрильями, в общем, хватит только на перевозку штабных бумаг и л/с штаба. По приказу наркомфлота ему было не рекомендовано светить свое появление в полку, поэтому передал телефонограмму Жаворонкову, чтобы вернули Ли-2. И вылетел в имеющемся составе в тыл.

Боголюбово – это больше собирательный образ, аэродромов там была целая сеть, просто штаб размещался в бывшем монастыре, и там же были казармы для сержантов и «кели» для командиров на переучивании или на отработке боевого применения в ЗАПах. Аэродромы находились на обоих берегах Нерли, притока Клязьмы. Высокий монастырь использовался для антенн радионавигации АДД. Самый большой аэродром мог свободно принять 80–90 самолетов-бомбардировщиков. Поселок рядом с ним носил «характерное» название «Сокол». Туда полк и приземлили. Общая площадь, отведенная под этот аэродром, равнялась 20 квадратным километрам. Зима, от снега чистят только полосу и стоянки для бомбардировщиков, а ГГ-3с лыж не имел. Мы просто этим не заморачивались, так как там требовалось дополнительно ставить тросовую лебедку, жутко ненадежную, вечно заедавшую. ЛаГГ-3м имел лыжи, но далеко не во всех полках их использовали. Снегоукладчиков на аэродроме было только два. Собственные застряли где-то по дороге во Владимир, из-за неисправности буксы их отцепили. Пришлось привлекать в том числе и летный состав, чтобы нормально разместить машины. А 5-й пап (перегоночный авиаполк) за трое суток перегнал из Можайского 72 самолета. Семнадцать собственных, из них 16 требуется куда-то сдать, да и, несмотря на приказ добираться

в Боголюбово поездом, все группы, находившиеся на профилактике, предпочитали прилетать на своей технике. Типа, «не бросать же самолеты!» Петр связался с генералом Жаворонковым, и тот направил 64-й апОН забрать излишки. Наши самолеты ушли в Ленинград и в Мурманск. Местное начальство успокоилось, организовали «культурную программу», с выездом во Владимир. Лучше бы они этого не делали... Восемнадцать действующих госпиталей в городе, куча инвалидов на улицах. Милостыню, правда, не просят, больше папироски и табачок «стреляют». Три госпиталя были госпиталями ВВС. Так что поход в театр оставил тяжелое впечатление, так как 80 процентов зрителей были раненые, обгоревшие летчики, штурманы и стрелки. После спектакля кто-то организовал танцы в фойе Народного дома, участие в которых приняли актрисы местной труппы и немногочисленные зрительницы. Затем, откуда ни возьмись, появилась большая группа девушек в военной форме с авиационными петлицами. Во Владимире существовала школа ШМАС, где готовили младших авиационных специалистов: оружейников, прибористов и масло-топливозаправщиков, укладчиков парашютов. Вот оттуда и привели целую роту или даже больше. Конферансье сразу же объявил «белый» танец. К Петру подошла местная «прима», ох, зря она это сделала, до этого уже успела потанцевать с большинством обладателей медали Золотая Звезда в полку. Ее, видимо, этот металл притягивал. В спектакле она играла роль Вари, невесты главного героя симоновской пьесы «Парень из нашего города».

– Наталья, – представилась она.

– Петр, очень приятно.

– Мне сказали, что вы командир полка и имеете больше всех сбитых, – сказала она после того, как убедилась, что ее ноги находятся в безопасности, и их не отдавят. – Говорят, что это про вас писали в «Правде» четыре дня назад, обозначив вас как майора «N», что вы в одном бою сбили семь немецких самолетов, причем пятеро летчиков были немецкими асами.

– Насчет пяти асов – не знаю, не интересовался их счетами. Одного видел, с Рыцарским крестом с дубовыми листьями. Это точно.

– А что вы испытываете, когда видите сбитый вами самолет?

– Я их обычно не вижу. Они уже не представляют опасности. Поэтому ничего особенного не чувствую.

– Никогда не видели, как он падает?

– Ну, несколько раз видел, только не само падение, а летящие на меня крупные осколки, там, крыло или полфюзеляжа, от которых приходилось уворачиваться.

– А как вы это делаете? Телом?

– Нет, самолетом, двигаешь руками и ногами, чтобы изменить его положение относительно обломков.

– А почему вы не «Герой»?

– Видимо, не достоин.

– Но мне сказали, что у вас – сорок пять сбитых?

– Сорок пять, шесть на той войне, с финнами, остальные на этой.

– Странно, мне многие летчики говорили, что за пятнадцать сбитых положено такое звание.

– Это звание не полагается. Его присваивают. Мне не присвоили, но меня это совершенно не волнует. Я – не артист, я – летчик. Реакция публики меня не интересует. Мне важно только отношение ко мне моих товарищей.

– Но звание – это признание заслуг!

– Значит, я их еще не имею. Прошу! – он передал молодую женщину в руки ее художественного руководителя, заслуженного артиста Я.А.С.С.Р. В. Д. Бутурлина, который зорко наблюдал, чем занимается «прима». Кто-то за званиями в бой идет, а кто-то в удаленный театр едет на пару лет. Якутск – город контрастов!

«Прима» на этом не успокоилась, на следующий день они заявили на аэродром, дали какой-то концерт для формирующихся МТАБовцев и возжелали сфотографироваться возле Петиного самолета, и непременно вместе с ним.

– Извините, у меня нет времени, полк готовится вылететь на фронт. Куча дел.

Звезда местного театра, фыркнув, удалилась. Ее любопытство так и не было удовлетворено. Но Петру и впрямь было некогда заниматься причудами актрисы. Бомберов ему пообещали, но выполнить это обещание флоту было ой как сложно. Собственный полк пикирующих бомбардировщиков у авиации ВМФ был один: 73-й БАП КБФ, которым командовал известный летчик Герой Союза полковник Крохалев. Наш ейский инструктор и бывший командир этого полка майор Федор Матвеевич Коптев, не совсем заслуженно пониженный в должности в 1941 году, прочно занял место вечного дежурного по штабу ВВС КБФ. Его и вытащили из Ленинграда в качестве одного из командиров формируемых полков. Дело в том, что флот заказывал себе самолеты Ар-2, а их по неизвестной причине прекратили выпускать. Жаворонков связался с Петром и спросил:

– Петр Васильевич, проблема возникла. Нет у нас столько пикировщиков Пе-2, их в час по чайной ложке выпускают. И летчиков на них нет, переучивание занимает до полугода. Есть в Казани и на ПАРМах 127 самолетов Ар-2. Они пикирующие. И еще семь новых. На них летчиков найдем без проблем, в крайнем случае с ДВ заберем.

– Ар-2 меня полностью устроят.

– Вот и я так думаю. Вот что, те машины, которые я у Запфронта забрал, я отправлю в Кинель, там без машин сидит 121-й полк ЧФ. Их переброшу в Казань, они начнут подготавливать Ар-2 в Крымскую. Передатчик и электростанция из Ленинграда вылетают вечером. Утром планирую вылет всем полком в Красный Курган. Резко ухудшилась обстановка на юге. Сам немедленно в самолет, с тем, что удалось сохранить для наркомфлота. Сядешь на Центральном, затем вернешься в полк. Жду!

На Центральном его ждал не Жаворонков, а генеральный комиссар госбезопасности Берия. Жаворонкова даже к разговору не пригласили. Берия сказал, что получил подробную характеристику на Петра от Цанавы, и то, что он, Петр, действительно, сигнализировал о том, что снимки куда-то исчезают. Но выявить полностью цепочку Цанавы не успел, так как полк прекратил свою работу и канал прервался. Больше съемки района не велись. Последовавшие отходы были свалены на то обстоятельство, что командование фронтом выполняло приказы Ставки о перемещении войск на помощь Брянскому фронту.

– Товарищ генеральный комиссар.

– Товарищ Берия достаточно, слушаю вас.

– Вот отдельная пленка, время и дата на ней указаны, соответствующая легенда приложена. Второе октября, район станций на ветке Владимирский тупик – Дурово, рокадной железной дороги, на снимках – погрузка и отправка наших войск с направления главного участка прорыва линии фронта. Их отправляли по ветке Вязьма – Калуга, которая к тому времени уже в двух местах была перерезана противником. То есть в плен, без пересадки. А вот эта пленка – отвод войск со второй линии обороны от Сычевки на Вязьму и снова на Калугу. А это карты противника, с нанесенными на них точными данными о всех наиболее значимых штабах наших войск и узлов связи. Никакой разведкой с воздуха этих данных не получить. Все штабы были подвергнуты атаке, пункты управления были разбиты, кроме двух, которые охранял наш полк. Но их сняли и перенесли в новое место, что внесло дополнительную сумятицу.

– Итак, майор, у нас есть оба направления главных ударов за несколько часов до наступления, есть организованный отвод войск с этих направлений, с первой и со второй линии обороны, несмотря на имеющиеся сведения, есть точное количество задействованной немцами

бронетехники на одном из направлений, и снимки двух моторизованных колонн до и после удара на левом фланге, куда вас не посылали вообще.

– Да, меня, после первого вылета туда, хотели арестовать как паникера, пришлось ствол доставать и приказать дожидаться проявки пленок. В тот же день нас заправили некачественным топливом. И уже вечером передали приказ о «централизации» управления авиацией на всем фронте в руках генерала Жигарева. Полк больше на разведку ни разу не вылетал. А через день меня осудили по надуманному предлогу. В обоих случаях председателем трибунала был корпусной военюрист Могилевский.

– Замечательно! Который даст нам человека, который хотел скрыть это все от Ставки. Подпишите показания. Вот вам моя расписка, что я получил указанные вещественные доказательства, с указанием места, времени и описаниями снятого на пленку. Вероятно, что вы еще понадобится в качестве свидетеля по этому делу.

– Я утром вылетаю на фронт, и это другое направление, не менее важное.

– Мы это понимаем. Удачи вам на новом направлении. Мы, со своей стороны, будем ходатайствовать о вашем награждении по линии контрразведки. Так и действуй, разведка. – Они пожали друг другу руки и разошлись.

До Красного Кургана добирались через Ахтубу или Ахтубинск, куда перевели наше училище, временно. Предстали перед светлыми глазами начальства с единственной мыслью и желанием: вырвать у него главного специалиста по бомбометанию в РККФ подполковника Куркина, Александра Андреевича.

– Вернем, в целостности и сохранности, ей-богу.

– Ты чего, в Бога веровать стал.

– Да нет, так, к слову пришлось. Понимаете, нам придают два больших полка пикирующих бомбардировщиков, а большинство из этих летчиков никогда этим не занимались. Как вы помните, это пришло из Германии в 1939-м.

– Вот здесь ты ошибаешься. Ты, главное, это Куркину не говори. Замучит тебя доказательствами, что «джаз родился в Одессе». Но фактически – он прав. Действительно, в Одессе. С его, Куркина, участием. Затем он показал это в Липецке, оттуда это попало в Германию. Наибольшее развитие этого метода, да, принадлежит Удету, асу Первой мировой, который предложил использовать решетки и новые прицелы. А затем демонстрировал эти самолеты по всему миру. Но это уже история. Какие самолеты дают?

– Ар-2, и это здорово, тащ генерал.

– Это хорошо, плохо другое: Куркин – не тот человек, которому полк можно доверить в боевой обстановке.

– Командовать полками будут майоры Коптев и Злыгарев.

– Этих я знаю, оба у нас служили, это – хороший выбор. Двух месяцев хватит? Больше времени предоставить не могу, к началу обучения нового набора Александр Андреевич должен быть в училище.

– Спасибо, Александр Харитонович.

– Ну, Петр Васильевич, надеюсь, что ты меня не подведешь.

Он потянулся к трубке телефона и приказал вызвать Куркина. Тот встал на дыбы, либо совсем, либо на фиг это ему нужно.

– Тащ полковник, вообще-то штаты заполнены, плюс для перевода требуется виза Иванова, а он ее не даст, вы ж его знаете. Просто 13-й ГвОРАП, это полк, созданный училищем. Мы туда планируем всех инструкторов и преподавателей направлять на фронтовую практику, чтобы учили молодежь именно тем приемам, которые используются в войсках. Так как полку приданы два полка пикирующих бомбардировщиков Ар-2, требуется посмотреть, что нового

появилось в войсках за это время. Вот мы и решили начать этот опыт с вас, как с самого уважаемого преподавателя в училище.

Лесть – дело тонкое, генерал знал, на что бить и по каким местам. Короче, сломался товарищ Куркин, подписали ему командировку, оставили на ночь одну машину из транспортников, а сами вылетели дальше.

Ну, и несколько слов о новом аэродроме. Это, наверное, самое ровное место на Тамани: дно высохшего лимана. С одной стороны – колхоз «Маяк Революции», производит вино, молочную продукцию и, в условиях войны, естественно, чачу. С другой – колхоз имени Ворошилова, хутора Ольховка, Вознесенское, Крюков. Основная продукция: виноград, вино и чача. У Крюкова – высота 107,3. У «Красного Кавказа», еще одного колхоза, высота 184,2, с более плоской вершиной, там локатор установить будет проще. А вот садиться здесь негде, кроме как у Красного Кургана. (Если бывали в тех краях, то 90 процентов тамошних населенных пунктов после войны не стало. Она как катком прошла, оставив только фундаменты.) Сама Анапа – поселок 1430×1880 метров, остальное – виноградники, затем шла Алексеевка, село, и Анапская Николаевская сельхозстанция, основную часть которой занимали те же самые виноградники. Я сам к винограду хорошо отношусь, но у него есть небольшая особенность: он растет между столбами на проволоке. А столбы и проволока как-то совсем с самолетами не дружат. Тем не менее аэродром был освоен. Незадолго до этого здесь стояла 27-я ОРАЭ ЧФ, убывшая на переформирование и переучивание в Баку. Но места для полка явно не хватало. Очень мало капониров, неудовлетворительна и маскировка. Поэтому срочно начали готовить запасные площадки в районе хутора Артеменко и в Южной Озерейке.

Прислали новый БАО из Ейска, «старый» в первую же ночь оплошал с количеством принятого на грудь. Не рассчитали морячки свои силы, тем более что пахать им пришлось ой как немало в эти дни. Но никто скидки на это не дает. Обстановка не та. Под стремительным ухудшением обстановки Жаворонков подразумевал эвакуацию с полуострова Крым 51-й армии генерал-полковника Кузнецова, бывшего командующего Прибалтийским Особым военным округом, доблестно провалившего оборону на том участке. Потом ему поручили 21-ю армию и Центральный фронт, и он продолжил успешно отступать до Смоленска, где позволил окружить самого себя. Его «сослали» оборонять Крым и готовить его к обороне. «Подготовил»! Двух эскадрилий Ю-87 хватило, чтобы пробить хлипкую оборону Перекопа, и армия оказалась прижатой к Керчи, а Севастополь оказался в блокаде. Выигрыш по времени в три недели, данный ему ликвидацией в августе Каховского плацдарма, совершенно делу не помог. Первого декабря, после эвакуации армии из Крыма, командующий был снят с должности и отозван в Москву. Его заместитель, генерал Батов, принял командование и начал подготовку к десанту в Крым, одновременно пополняя и формируя армию. Кроме 51-й, готовилась еще одна, 44-я армия, выведенная из Ирана. Немцы всю занимались Севастополем, ибо престиж непобедимой армии был подорван в боях под Ленинградом, Ростовом и под Москвой. В районе Керчи, на трех аэродромах, примерно штаффель JG77, до 24 машин. Нашими приготовлениями они не сильно обеспокоены, основные воздушные бои развернулись на Миусе.

Погода стоит мерзкая, как обычно в это время года. Затяжные дожди превратили все в сплошное болото. Из-за этого командование тянет с началом высадки. Еще 8 ноября все дивизии и бригады пополнения прибыли в район Таманского полуострова, но занимаются противодесантной обороной. Как будто бы у немцев есть, чем осуществить высадку. Приказом Ставки десант назначен на 13 декабря, но уже 17-е, а воз и ныне там. Ночью пришли вагоны со второй РЛС, имуществом взвода фоторазведки, который вывезти самолетом не хватило места. Кое-как прикатали полосу, вытолкнули на нее восемь машин. А штабные во Власихе пользуются нашим покрытием! Впрочем, после возвращения из первого полета выяснилось, что я несколько сгустил краски: в эшелоне из Москвы было 10 вагонов с таким покрытием. Часть его было из оцинковки и снабжено нашими инвентарными номерами, а часть – новых, часть

неокрашенных из того же материала, часть выполнена из стали без покрытия. То есть снабженцы флота этой проблемой занимались, и время в Боголюбово потрачено не зря. В первую очередь, покрытие отправили на вновь оборудуемые стоянки. Здесь пока обойдемся. Тем более что подмораживать начало. Садилась в сплошном снегу и при облачности высотой 250 метров. Тем не менее в штаб направления пошла радиограмма, что есть результаты разведки с воздуха по маршруту: Керчь – Феодосия – Карасу-базар – Андреевка – Владиславовка – Агибель – Азовское побережье Керченского полуострова – Керчь. Основные силы противника сосредоточены в Керчи, до трех полков пехоты и артиллерия. Парчак – около батальона пехоты, артиллерия. Феодосия – отдельные части пехоты и бронепоезд под парами. В воздушный бой не вступали, от него уклонились, ушли в облака ранее, чем нас смогли обнаружить. На пяти аэродромах большое количество пикирующих бомбардировщиков. Сидят по погоде. Зенитное охранение – сильное. В районе Севастополя – облачности нет.

РДО ушла, занимаемся обустройством нехитрого хозяйства полевого аэродрома. По Совинформбюро узнаем, что немцы начали штурм Севастополя. А нас прижал к земле прогноз и погода. Помочь абсолютно не можем. Вдруг РДО из Ростова в наш адрес: «отследить движение конвоя РЛС не допустить воздушного воздействия него». И три подписи: Кузнецова, Октябрьского и Горшкова. Флот послал Козлова в пешее эротическое путешествие, на бортах две бригады морской пехоты, они идут полным ходом, прикрываясь непогодой, к Феодосии. 136 морских миль – двенадцать часов перехода для транспортов, и всего пять – для кораблей. Информации Петра поверили, в портах началась активная погрузка на корабли основного состава десанта. В 19.30 в устье Байбуги высадились первые морские пехотинцы и повредили пути на мосту через речушку, заперев на трехкилометровом участке бронепоезд «Орджоникидзевец», немецкий экипаж которого уже вступил в рукопашную схватку с нашим десантом, высадившимся в порту. Артиллерия кораблей после этого начала обстрел высоток, на которых стояли «флак 88», оборонявшие порт. Мы их «заботливо» перенесли на карту и отдали их координаты артиллеристам флота. Самая удобная цель для морской артиллерии – это цель с известными координатами и высотой над уровнем моря.

Как только снежный фронт продуло дальше в Азов, и флотские метеорологи дали погоду над Феодосией, так полк нанес удар по румынскому аэродрому в Бай-Буге. Это в паре-тройке километрах от Феодосии. Били малокалиберными осколочными бомбами в каскетах по 8 штук, и ракетами РОФС-132. Вылетали парами, и устроили там отличный пожар. Моряки там появились в два ночи. Однако, возвращаясь домой, каждая пара снимала на пленку шоссе Керчь – Феодосия и железную дорогу до Владиславовки. Основные силы немцев на Керченском полуострове находились в Керчи. Командир 46-й пехотной дивизии генерал Курт Химер получил из 42-го корпуса команду выдвинуть два полка к Феодосии и сбросить десант в море. Один полк на автомашинах последовал выполнять приказ генерала Шпонек, второй сел в вагоны и до четырех утра планировал начать наступление. Их подловили у Кията и Агібеля. Там практически сходятся три дороги на Керчь: железная, старое и новое шоссе. В общем, пришлось им спешиваться. Юра Пехов, известный балагур в полку, после возвращения оттуда продекларировал:

– Будем «шпонку» рвать, бить и убивать! Не ходите, дети, в Африку гулять! Снаряжай, Трофимыч! Там работы до утра хватит. Мариша! Молочка бы!

Новый состав БАО практически на 70 процентов был женским. Даже рота охраны. С одной стороны, это здорово давило, потому что и в полку большую часть оруженцев и массовиков заменили девушками из Владимирской ШМАС. А с другой стороны, они меньше пили, я имею в виду чачу. Вино девушки употребляли, благо что оно было практически бесплатное и вкусное.

После падения Ак-Моная, это произошло в 05.30 18.12.41 года, генерал Шпонек, герой Нарвика и Крита, дал команду отходить и прорываться к своим. 51-я армия высаживалась

на причалы в Керчи. Пошла бронетехника, в том числе и напрямую в Феодосию. Манштейн прекратил атаки на Севастополь и начал разворачиваться на восток.

С самого утра отовсюду сыплются различные приказы и распоряжения. Особенно старается Тбилиси, за подписью некоего дивкомиссара Шаманина: провести, довести, зачитать, поднять, рассмотреть и, главное, доложить. Отдельного товарища на должность комиссара полка не направили пока, и чтобы предотвратить приезд очередного «варяга», вспомнив, что майор Кузьмин не так давно был военкомом 2-й АЭ в училище, Петр вызвал его в штаб, хотя он – штурман полка, и прекрасно справляется с этой работой.

– Василий Петрович, выручай, у нас вакантна должность военкома полка, и в эскадрильях с этим тоже некоторые проблемы. Чувствую, что пришлют какого-нибудь очередного варяга.

– Ни за какие коврижки не пойду. Я – штурман полка, и это важнее. Есть у нас такой человек: капитан Благих, «колдун», например. И, вообще, тех, кто раньше военкомами были – человек двадцать, а ты сразу на меня пальцем показываешь.

– Ну, старший по званию.

– Да ничего подобного, у нас два бывших полковых комиссара есть, подполковник Олейник, например, командир третьей эскадрильи. Вон идет, предложи ему.

Теперь втроем решаем, Олейник отмахивается, и у него неснятое взыскание есть, так что его кандидатура не пройдет, да и жалко такого командира эскадрильи. Решение принято «соломоново», комиссаром полка станет Иван Петрович Пролыгин, тоже полковой комиссар в недавнем прошлом, бывший летчик, списан с летной работы по медицине, который буквально на днях вернулся из госпиталя. Левая рука у него не полностью восстановилась. Из первого состава первой эскадрильи, очень неплохо проявил себя на штурмовках, сумел с одной рукой посадить машину на аэродром в Ожигово. К тому же он только прибыл из госпиталя и был без должности. Пусть долечивается и разрабатывает руку. Начштаба готовит бумаги на него.

Тут подоспел завтрак, после которого полку и объявили о новом назначении, пока как и.о. За сорок пять минут до рассвета полк поднялся на штурмовку, хотя по приказу из Тбилиси от нас требовали прикрывать транспорты, идущие к Феодосии. Но мы имели полное право игнорировать эти цзэ. Мы приданы направлению, а не фронту. У нас несколько иное представление, что требуется делать. Предстояла «звездная» атака на аэродром «Ички». Пока погода позволяет скрытно подойти к нему, прикрываясь облаками, и растащить его оборону, атакуя одновременно с разных сторон. Кузьмин раздал планы атаки командирам эскадрилий и звеньев, Петр напомнил о связи и порядке отхода, о том, что на штурмовке необходимо работать только двумя из четырех пушек. У этой серии машин пушек больше, хотя общее количество снарядов осталось почти неизменным. Возрос вес залпа. Одна пушка имеет на двадцать снарядов больше остальных – 170. Сам Петр машину пока не сменил, у него три пушки, имеющие ленты по 220 и 250 выстрелов. Под крыльями у всех: десять 25-килограммовок, по пять на узел подвески, и по восемь РОФС-132. 16 тонн бомб, не слишком много, если честно, но бомбардировочные полки так быстро перебазироваться не могут. У них в разы больше работы.

Взлетали звеньями, довольно долго кружились над аэродромом, занимая места в строю. Здесь недалеко, всего 19 минут полета. Все, наконец, заняли свои места. Это подтвердил штурман наведения и задал курс. Путевая – 520, бомбы и ракеты скорости не прибавляют. Высота облачности 800–1200 метров. Толщина 500–1000. Полк идет на высоте два километра, поверх облаков. Внизу следуют четыре пары, они будут работать «осветителями», если понадобится, и отвлекают противника от пролета группы. Наши действуют всегда мелкими группами, поэтому противник не ждет массированного налета. Наверно. Да и история полка «больших крыс» уже в прошлом. На фронте он не появлялся более двух с половиной месяцев. Был – кончился. Три эскадрильи прибавляют и несколько расходятся, охватывая аэродром с разных сторон. Нижние

пары делают то же самое, но под облаками. Сквозь слой облаков проносятся трассы «эрликонов», бьющих по ним. Огонь не слишком плотный, бывало и похуже. Точка! Атака!

Петр с разворота входит в облако, за ним идет первое звено. Их задача – артиллерия противника. Пошли ракеты, но бомбы Петр придержал, отработал из двух пушек, а кассеты выпустил на изогнутую двойную полосу вырulingающих Ю-87. То, что называется: «поймали за хвост». Порядка сотни «юнкерсов» вылезли из своих укрытий и расползались по полю девятками строем «клин». Часть из них еще находилась на рулежке. Поле огромное, можно взлетать поэскадрильно. Хороший аэродром. Вроде без покрытия, но почему-то не раскис. Может быть, просто подморозило. Первый заход получился очень удачным. Головной штаффель накрыт двумя сериями осколочных бомб. А Петр запечатал «рулежку». Батарей зенитчиков тоже пострадали, РОФС дает взрыв большой мощности и большое количество осколков. При этом летит довольно прямо, много лучше, чем РС-82 или 132. Он вращается в полете, и площадь рассеивания у него много меньше. При близком взрыве может повредить даже средний танк. А при прямом попадании, особенно в моторный отсек, танк восстановлению не подлежит. Но это больше случайное попадание, нежели специальное. Точность довольно невелика. Никак не удастся встретиться с людьми, отвечающими за вооружение ВВС. По-моему, их всех посадили перед войной. Нижняя «восьмерка» закончила работать с одного захода, вошла в облака и пошла навстречу группе истребителей из Симферополь-Центрального. Штурман наведения перевел их на другой канал, куда уйдут все после окончания работы. Полк выполнил еще три захода, точно работая по важнейшим целям: складу ГСМ и бомбохранилищу. Степь есть степь, тут, как ни прячь, все равно все видно. Петр объявил сбор, тем более что с керченских аэродромов идут три группы истребителей противника. Около 20 машин.

Оставив под облаками первую эскадрилью, остальные проббили облака и прибавили обороты. Задача: зайти в хвост всем трем группам. Юра Пехов по радио изображает панику, зовет на помощь. «Вижу большую группу “мессов”. Они атакуют! Спасите-помогите!» Пилоты «мессеров» расслабились и приготовились делать записи в летных книжках. Подползли к верхней кромке, чтобы атаковать было удобно. И получили! От души! Противника оказалось много больше, и он тут же разорвал швармы на пары, которые мгновенно превращались в отдельные самолеты. И разворачивался противник много быстрее. И огонь мощный, и слетаны они прекрасно. Как застоявшиеся кони, летчики «отдохнувшего» полка вернулись на работу. Их дело – истреблять, они – истребители. 187 секунд боя, сбор. Сзади подходит «восьмерка» Вовка, который отказался от помощи полка, и теперь догонял его.

– Нэ трэба, шо не зым, то понадкусываю.

На земле все механики и оруженцы бросились к первой эскадрилье. Ее заправляют и снаряжают первой. Приехал начштаба подполковник Евстигнеев, предупредил первую, что у нее времени нет, от машин не отходить. Подхватил Петра и выговорил ему за восемь минут задержки.

– Петр Васильевич, ведь договаривались, что без опозданий. Ордер подходит к точке один, через пятнадцать минут первая должна быть в воздухе.

Точка «один» – место, откуда десантный ордер должен иметь постоянное прикрытие с воздуха. При взлете с места самолеты не могут успеть к кораблям до их атаки противником.

– Понял, исправлюсь, противник не отпускал без боя.

– Ерунда, на земле считали, что 32 машин должно хватить.

– Восемь ушло перехватывать «мессеры» от Симферополя.

– Требовалось отпустить «первую». Ладно, это больше на будущее, успеем. Вас в Новороссийск вызывают, документы я подготовил. Сейчас перекусите, и с богом. Там Козлов прилетел и бушует.

– Не беда. Еще новости?

– Заскочите на обратном в Крымскую, там села вторая эскадрилья 121-го полка. Но мне кажется, что прикрытие там хлипковато. Оцените и постарайтесь настроить людей, Петр Васильевич. Кстати, вы так и будете все бросать и вылетать на каждый чих? В Ростов позвоните, беспокоятся.

Они еще только срабатывались с начштаба. До этого работать вместе не приходилось. Это уже третий человек на этой должности после Коростылева, полностью заменить Степаныча было очень сложно. Тот был абсолютно вне конкуренции. Новый, Евстигнеев, несколько более беспокойный и не любит брать на себя ответственность: подпишите, товарищ командир. Без подписи – даже не чихнет. Может быть, побаивается принятия решений, может быть, еще в силу и во вкус не вошел. Особых проблем пока не возникало, но это первый его бой в этом качестве. Эскадрилья – это одно, там он был хорош, а полк – совсем другое дело. Просмотрев и подписав документы, Петр, после взлетного завтрака, вылетел в Новороссийск. Аэродромов там два, один возле Васильевки, называется «Перевал», второй не достроен, на Мысхако. Садиться пришлось на «Перевале». Две горы – две дыры. И километр узкой полосы между зарослями сероватого бука. Начинили строить еще один, в Цемдолине, но дальше разговоров и промеров дело так и не сдвинулось. Носатый автобус, как у «убойного отдела товарища Жеглова», довез Петра до улицы Свободы, 4. (Этот адрес существует, только здания штаба НВМБ на этом месте нет, «сталинка» послевоенной постройки, напротив здания Пароходства, а когда-то это был центр обороны города. Позже штаб переехал в Седьмую Щель, в горную выработку, под землю.) «Колючка» на ежах «защищала» штаб от честных людей. Ни огневых позиций. Ни охраны толком. Ни зениток. Петр поднялся на второй этаж старинного здания, представился адъютанту начальника ВМБ капитана 1-го ранга Холостякова.

– Да, вас вызывали. Одну минуту, я доложу.

Адъютант написал что-то на листочке и вошел в кабинет начальника, откуда доносился, даже через двойную дверь, зычный бас какого-то начальника. Он пробыл там минут пять, не меньше. Вернулся и кинулся что-то писать. Потом показал на дверь:

– Входите, товарищ майор, завещание можете положить вот сюда. – Чувство юмора его не покинуло даже в момент разноса.

Петр вошел в кабинет, где, видимо, давно и грозно пахло потом, расстрелом и трибуналом. Запаха крови, правда, не ощущалось. Доложился о прибытии и попросил разрешения обратиться к командиру ВМБ.

– Почему игнорируете распоряжения и приказы командующего фронтом, майор. Под трибунал захотелось? Вмиг устрою!

– Извините, товарищ генерал, а почему вы решили, что мой полк имеет к вашему фронту какое-либо отношение? Мой полк придан «Направлению», по распоряжению командующего направлением мы вам пересылаем разведданные. Этим наши взаимоотношения начинаются и заканчиваются, товарищ генерал-майор. Любые ваши распоряжения и приказы должны быть заверены нашим непосредственным руководством: начальником разведывательного отдела направления или командующим, маршалом Буденным. Ни одного такого распоряжения я не получал. Полк выполняет задачи, согласованные с руководством направления. Если у вас есть претензии, то, пожалуйста, обращайтесь к моему руководству. Вот мое предписание, такое же имеете и вы, оно выслано в ваш адрес. Это же относится и к двум полкам бомбардировщиков, которые начали передислокацию в Крымскую. Это – резерв командующего направлением, который вы использовать, без него, не можете.

Блеснуть четырьмя звездами на петлицах у генерала не получилось. Пришлось сесть в лужу. В армии принято единоначалие. Здесь прав не тот, кто прав, а у кого их больше. В кабинете присутствовало шесть человек, не считая хозяина кабинета, русоволосого пожилого капраза, с усталым и окаменевшим лицом. Петр позже узнал причину: его семья находилась в Севастополе. Здесь были: Козлов, какой-то дивизионный комиссар, видимо, Шаманин, коман-

дующие трех армий и контр-адмирал Горшков. Одного из командующих Петр знал, остальных – нет. Я знал еще одного, Батова, но не знал первого. Судя по всему, все ругались на Горшкова, который сослался на приказ Ставки и данные разведки. Именно поэтому он выдвинул накопленные плавсредства для погрузки, и от своего имени, через свой штаб, передал приказ наркомфлота начать операцию по высадке десанта.

Погода пока благоприятствовала десанту, правда, препятствовала действиям авиации, но как нашей, так и немецкой. Синоптики опять дают ухудшение на двое суток. Однако операция началась и ей сопутствует успех. Неожиданное решение Шпонека на отход сократило до 4 миль расстояние доставки войск на полуостров. Арьергарды противника уже сбиты с позиций, катера Азовской флотилии и привлеченные средства переправляют массу войск в Керчь. Освобождены Феодосия и сама Керчь. Через три часа начнет выгрузку 56-я танковая бригада в порту Феодосии. 24-й танковый полк уже переправился в Керчь и преследует противника. Никто еще не знал причин, вынудивших немецкого генерала принять такое решение. Это выяснилось чуть позже, когда начались бои с частями 46-й дивизии генерала Курта Химера. Они пошли в бой достаточно потрепанными штурмовкой и всего с одним носимым боекомплектом. Дивизионные склады немцев находились во Владиславовке и охранялись драпанувшими румынами, которых всего был один батальон. Ночной бой с русскими морскими пехотинцами не входил в «Каму с утра», не был освоен как прием, румыны предпочли драп. Тем более что моряки пришли не одни, они с собой отбитый бронепоезд привели. Которому немцы еще и заменили пулеметы на MG-34. А это уже не «Кама с утра», а групповуха жесткая. В общем, огромные склады и парковые артиллерийские дивизионы немцев достались морской пехоте, у которой остро не хватало тяжелого вооружения. А основной специальностью большинства командиров взводов, рот и батальонов в обеих бригадах числились БЧ-2 и 3, артиллерия и мины. Так что «Паки» и «Флаки» нашли новых заботливых хозяев, и заняли круговую оборону на реке Чурюк-Су и ручье Асан-Су. У немцев оставался единственный путь отхода: по Арабатской стрелке. Ак-Монай еще у них в руках. Наша оборона носит пока очаговый характер, освобождены: Карагез, Сеит-Эли, Кулеч-Мечеть, Сеит-Асан, Владиславовка, Корпечь, Кой-Асан. Идет бой за Дальние Камыши и высоту Тепе-Оба. Бригады переходят к обороне. Теперь им предстоит выдержать удар 46-й дивизии немцев. И продержаться минимум три-четыре часа, пока будет выгружаться и занимать позиции 157-я дивизия полковника Куропатенко, следующая во второй волне десанта.

Сейчас в Новороссийске «крымские фельдмаршалы» никак не могут решить вопрос: куда направить многострадальный бронепоезд. Хотят его к станции Ак-Монай двинуть и подставить под огонь 150-миллиметровок немецких. Пришлось вмешаться.

– Разрешите вопрос, товарищ генерал-майор?

– Ну, что тебе.

– Не тебе, а вам. Мы для чего пересылаем вам снимки? У Ак-Моная – усиленный батальон с восемью 150-мм орудиями в старой крепости, часть из которых может вести круговой огонь. Послать туда бронепоезд – означает угробить его. У него 85-мм, и перебить 150 он не в состоянии. Ак-Монаем займемся мы, а задача бронепоезда – Ислям-Терек. Только балластные платформы не отцепляйте. Пусть мины под ними рвутся. Немцы не случайно их прицепили спереди и сзади.

Петр вытащил из планшета снимки, которые, как выяснилось, командование фронтом еще не рассматривало, а командующие армиями о них и не знали. Их видел только Горшков, и то в Ростове. Пришлось на глазах у всех поднимать их карты и переносить со снимков сведения о противнике, включая текущие. Пошел третий час пребывания в Новороссийске. Связи нет, что делает полк – неизвестно. Есть только одно сообщение, что конвой дошел до Феодосии и выгрузка идет. Петр не выдержал и заявил, что больше времени у него нет. Козлов хотел воз-

мутиться, но затем сказал, что всех их флот подставил, и будет нам всем на орехи. Бессмысленное совещание наконец прервали. В коридоре командарм-44 спросил Петра:

– Мы с вами ранее не встречались, майор?

– Встречались, «дядь Лешка», в Туркестане. Вы меня из школы частенько забирали.

– Петька!?! Вот это да! А вырос-то как! А где Евгения Владимировна?

– Не знаю, нет писем. Была в ПВО Ленинграда, крайний раз виделись в сентябре. Два письма получил, а теперь молчит.

– Ее бы сюда, начштабом.

– Вы куда сейчас?

– В порт, иду с третьей волной.

– Вот что, товарищ генерал «Дядь Лешка», как там Чапаев в фильме говорил о месте командира в бою? Мы находимся в Красном Кургане, подъезжайте туда. Передадим новейшие данные и перебросим вас в Керчь. Аэродром в Бай-Буге уже наш, так что в войсках побываете. Сегодня зачистим аэродромы у Керчи. Через Керчь, и из нее, управлять войсками армии будет удобнее. Давайте не забывать, что у немцев агентуры здесь полно, и штабы соединений – любимая цель для люфтваффе. А в Керчи Аджимушкой есть, где штаб не разбомбить. Намек поняли?

– Чего уж не понять. Тебя подвезти или своя есть?

– Подвезти, я на Перевале приземлился.

Генерал подвез Петра прямо к самолету, даже вылез из машины, увидев «иконостас» на борту. Да еще и с прикрученными «Железными крестами».

– Твой?

– Мой.

– И сколько же их здесь?

– Еще не обновляли, так что нарисовано сорок пять, без двух сегодняшних.

– Вот это да! А мы таких самолетов еще и не видели.

– Скоро увидите, их на пяти заводах выпускать начали. Так что скоро. Ну, жду у себя, до свидания, тащ генерал.

– Давай, майор. Надо же, давно ль в первый класс бегал! Слушай, а что ж... Ладно, давай!

Пара через десять минут оторвалась от земли, выполнила крутой разворот в небе и скрылась за пригорками. Адъютант спросил у генерала:

– А кто это был?

– Сын моих первых командиров, я тогда у его матери адъютантом был. Басмачей гоняли в Узбекистане и Киргизии. Теперь он командир 13-го ГвОРАП, гвардии майор.

– Пацан ведь еще. Сколько ему?

– Двадцатого года, кажется. Точно, двадцатого. Так что двадцать один. Странно, что о нем ничего не слышно, с таким счетом. Впрочем, его полк – центрального подчинения, наверно поэтому. Кто его знает.

– Самолеты у них какие-то другие. Я таких и не видел.

– В этом и вопрос: сколько их? Если несколько штук, так это вопрос не закроет. После загрузки поедем к нему, за данными фоторазведки, там и посмотрим.

Петр вернулся на аэродром, полк работал в режиме 2+2, обеспечивая непрерывное нахождение над линией соприкосновения войск.

– Федор Иванович, связь с Крымской есть?

– Есть.

– Дайте Крымскую.

– А что, вы туда не летали? – спросил, в перерывах между запросом позывных, начштаба.

– Нет, Козлов с данными разведки незнаком. Черт знает, что творится. Вслепую идут сухопутчики. Что-то есть у моряков, а остальным это не довели. Так есть связь?

– Держите, Коса – это майор Татулов, командир 121-го полка.

– Как Татулов? Кто такой?

– Вот так, Злыгарев в полк не прибыл.

– Коса, я – Крамбол-1.

– Слушаю, первый.

– Не видел доклада о готовности к вылетам?

– Так нет никакой готовности, первый. Новый командир не прибыл, здесь только товарищ из Ейска проводит какие-то занятия с личным составом. А мне надо другой полк принимать, я – истребитель, а не бомбер. Сидел и. о. в Кинеле, временно. Оказался здесь.

– Куркина к телефону пригласите.

– Его в штабе нет, придет – перезвоним.

Начштаба слышал весь разговор и выразительно посмотрел на Петра. Дескать, я же говорил, что требуется лететь в Крымскую.

– Так что там Козлов?

– Хочет сунуть бронепоезд к Ак-Монаю. Требуется удар по старой крепости, а наносить его нечем. Где первая?

– У них полтора часа перерыв в полетах, все спят. Всю ночь ведь летали. Врач намерил всем высокое давление, поэтому дали им отдохнуть.

– Вешайте им две по 250, а тем, кто с ними пойдет – максимальное количество 25-килограммовок.

– РРАБы пришли.

– Там целей для РРАБов нет. Прибережем для аэродромов.

Звонок. Крымская, подполковник Куркин. Четкий доклад, строго по уставу и с использованием кодов. Ответы на все поставленные вопросы. Успел погавкаться с комполка Татуловым и фактически отстранил его от командования. Но есть проблемы, он их перечислил, короче, полк никогда строем полка не вылетал, кроме как один раз на парад. Маневрировать даже в составе эскадрильи никогда не пробовал. Александр Андреевич может обеспечить вылет одной эскадрильи, но строем растянутая «девятка», то есть позвенно. И работу каждого звена в отдельности.

– Чудес не бывает, Петр Васильевич. Вас я так же учил пикировать, от «тройки», если помните.

– Помню. Но готовых экипажей у вас тридцать шесть.

– Да, четыре «девятки».

– Карту Крыма доставайте.

– Под рукой.

– Цель номер один – форт в Ак-Монае, зенитная батарея: шесть средних и восемнадцать малокалиберных пушек. Цель «два» – старая крепость в Арабате, во дворе – четыре полевых орудия. Цель «три» – противотанковая батарея западнее форта в Ак-Монае и шесть дзотов и бронеклопов перед ней. Цель «четыре» – три артиллерийских позиции восточнее Ак-Моная на юго-восточном берегу бухты. Они отчетливо видны, начинаются в 1750 метрах от форта, и идут через 500 метров. Там по одному орудию, но будут мешать высадке.

– Первую цель нам, скорее всего, не взять. Экипажи не настолько опытные. Что там с погодой?

– С погодой плохо, высоту облачности предугадать сложно, разведчик погоды будет. Объекты маленькие, удар с горизонта ничего не даст, Александр Андреевич. Воздействие вражеской авиации можете смело исключать.

– Пойду сам. Попробуем. Начинаю подготовку, о готовности – сообщу.

Через сорок пять минут подполковник доложил о готовности, еще через тридцать пять их подхватила смешанная эскадрилья над Азовским морем. Вторые половины нечетных эскадрилий ушли сменить «четных» и отработать у Семиколодезей.

Затем Петр довел «девятку» 121-го полка до цели. Ну, что сказать! Можно было вести один самолет к цели, и Александр Андреевич четко это знал. Он загрузил свою машину ОФ-50 на все точки подвески. Четыре точки под крыльями несли по четыре «пятидесятки». Две по две. Работал он просто ювелирно, выходил из пикирования на 250–300 метрах, взрыватели поставил с замедлением. Остальные ребята только воздух винтами баламутили, да мешали ему выполнять задачу. Двадцать два пике, и двадцать шесть целей за вылет. Три вылета, больше не успели. Парпачский хребет моряки взяли практически без потерь, все было выбомблено. Но через полчаса после того, как стемнело, подполковник лыка не вязал. Поэтому генерал Андреев и предупреждал Петра, что ему нельзя доверять полк. Без вылетов он не пил, в рот не брал, а после «работы» его было не остановить, до «салата».

Петр смог попасть в Крымскую только через сутки, когда туда прилетел новый командир полка, и произошла передача дел от Татулова к Коптеву. Второй полк формировался из безлошадных, и две эскадрильи они получили с Дальнего Востока из 33-го и 34-го БАПов. Часть людей совсем молодые сержанты из школы имени Леваневского (Безенчук) и Ейского училища. Эти заканчивали курс на СБ и пикировать не умели. Некоторую помощь оказали ВВС южного направления, переведя уцелевших летчиков из 33-го сбап: майора Рассказова и четырнадцать командиров экипажей. В целом флот задачу выполнил: собрал уцелевшие машины, частью – из капиталки, частью – из среднего ремонта, частью – совершенно новых, и предоставил 138 летчиков. С технарями было хуже, значительно хуже. К тому времени образовался значительный дефицит их во всех округах. Полки их «теряли» при отступлении. Пришлось идти на поклон к Петрову, командующему Севастопольской группой войск, через Острякова, командующего авиацией ЧФ, у которого часть техников, в связи с потерей матчасти, воевала в морской пехоте. Он посмеялся, типа, как вывезете? А тут как раз к нам прилетело три ДС-3 с РЛС «Наяда-БЛ» из Ленинграда, вместе с Ивановым Владимиром Ивановичем, уже капитаном 3-го ранга. Приказано их сопроводить в Севастополь. Мы «прицепили» к ним еще один, больше аэродром на Херсонесе не принимал. Взяли туда какой-то попутный груз и вывезли обратно 30 человек. Всего, конечно, так как основным обратным грузом были раненые. Но операция прошла успешно и без потерь. Позднее несколько раз повторяли вылеты в Севастополь, и на обратном пути забирали еще механиков, пока не укомплектовали полностью оба полка.

Активные бои на Керченском полуострове продолжались пять дней. Незначительная часть 46-й дивизии сумела выскочить из кольца: те, кто сразу выполнил приказ командующего корпусом. Так как его сняли немедленно и отдали под суд, то остальные попытались занять оборону в районе Мариенталья и Седжеута. Дольше всего они продержались восточнее Седжеута на довоенном полигоне 156-й стрелковой дивизии. Там бои закончились 24 декабря.

Новый командующий 42-м корпусом генерал-лейтенант Маттенклотт выдвинул на Керченское направление 170-ю дивизию генерал-майора Витке, последнее, что у него оставалось. Дивизия находилась в Симферополе и участия в штурме Севастополя не принимала. Рассчитывал быстро выдвинуться на место боев, но не учел местный климат: его бронетранспортеры и грузовики застряли на дороге между Зуей и Карасу-Базаром. Грунтовка не выдержала давления тяжелой техники и «поплыла». Попытались свернуть в степь, а там еще хуже. Тонны грязи навернулись на гусеницы и колеса, и техника встала. 21 декабря по дивизии был нанесен воздушный удар, предотвратить который у люфтваффе не хватило сил и средств. Последние иллюзии растаяли, когда русский одиночный самолет в сопровождении эскадрильи «больших крыс» уложил серию бомб в предмостные сооружения на железной дороге Симферополь –

Армянск на реке Салгир в Спате, отрезав 11-ю армию от снабжения. Стало ясно, что русские нацелились окружить 11-ю армию. Их передовые части уже взяли Сеитлер и продвигаются к Джанкою. Русским помогало отличное знание местных условий. Неожиданно возросла активность и действенность огня русских фортов «Максим Горький-I» и «II», и остальных стационарных батарей флота. Стоило открыть огонь по городу или войскам, как батарею накрывали крупнокалиберные снаряды с высокой точностью. Особенно стало доставаться гаубичным и минометным батареям, позиции которых раньше русскими вообще не накрывались.

А мне с 22 декабря приходилось бороться с Петром. Он рвался в бой, впрочем, как и вся его дивизия. Как только прилетела 4-я эскадрилья 29-го бап, его стало очень трудно останавливать. Тут еще «ля мур» и «тужур» подвернулся, так вообще: «кина не надо, свет гаси!». Девица и впрямь была хороша! Эдакая Моника Белуччи в девятнадцать лет. Кипа волос на голове (умудрилась сохранить прическу), черных как смоль. Если не сильно приглядываться, то ноги у нее начинались от ушей, несмотря на юфтевые сапоги на низком каблуке. А что будет, если ей нормальные туфли надеть, на высоком каблуке? Высокий таз, четвертый номер, ну, все при всем. Глаза? Да в них раствориться можно. Короче, глаз не оторвать, несет оружие с чистки, как коромысло с двумя парами кадок, да еще и глазками стреляет. Её Петр сразу отличил, как только они прибыли, но тут она ему улыбнулась ненароком, и вся выдержка у Петра куда-то ушла. Гормоны, мать их! Ему требовался бой, такой же, как под Москвой. И он начал его искать. Добром это кончиться не могло. Немцев – гораздо больше. У них порядка 400–450 боевых самолетов, плюс возможность быстро наращивать силы на направлении главного удара. И командующим у них опытейший генерал авиации Роберт Риттер фон Грейм, чей штаб находился в Мариуполе. Слава богу, что он не знал о настроении Петра!

Потеряв в первых боях приличное количество истребителей, генерал озаботил свою разведку: найдите лежбище «крыс» и подайте мне его на блюдечке. При таком внимании, в то, что немцы не заметят переброску «грочек», поверить было невозможно. Почему я и не стремился полностью обеспечить прикрытие их аэродрома. Давайте не забывать, что Дон и Кубань были кузницей кадров Белого движения. На этом строился весь расчет. Кто-нибудь да сдаст. Сдали! Вечером операторы РЛС сообщили, что наблюдают четыре большие группировки воздушных целей над Бердянском, Мариуполем, Мелитополем и Джанкоем. Фон Грейм решил избавить Петра от обузы! Зачем ему два полка пикировщиков? Это – лишнее! Вопрос этот был заранее проработан, запасные площадки для всех восьми эскадрилий – готовы. Только в районе Краснодара их штук пятнадцать заготовлено. Грейм строил свой расчет на том, что вечер, все уже отлетали и их не ждут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.